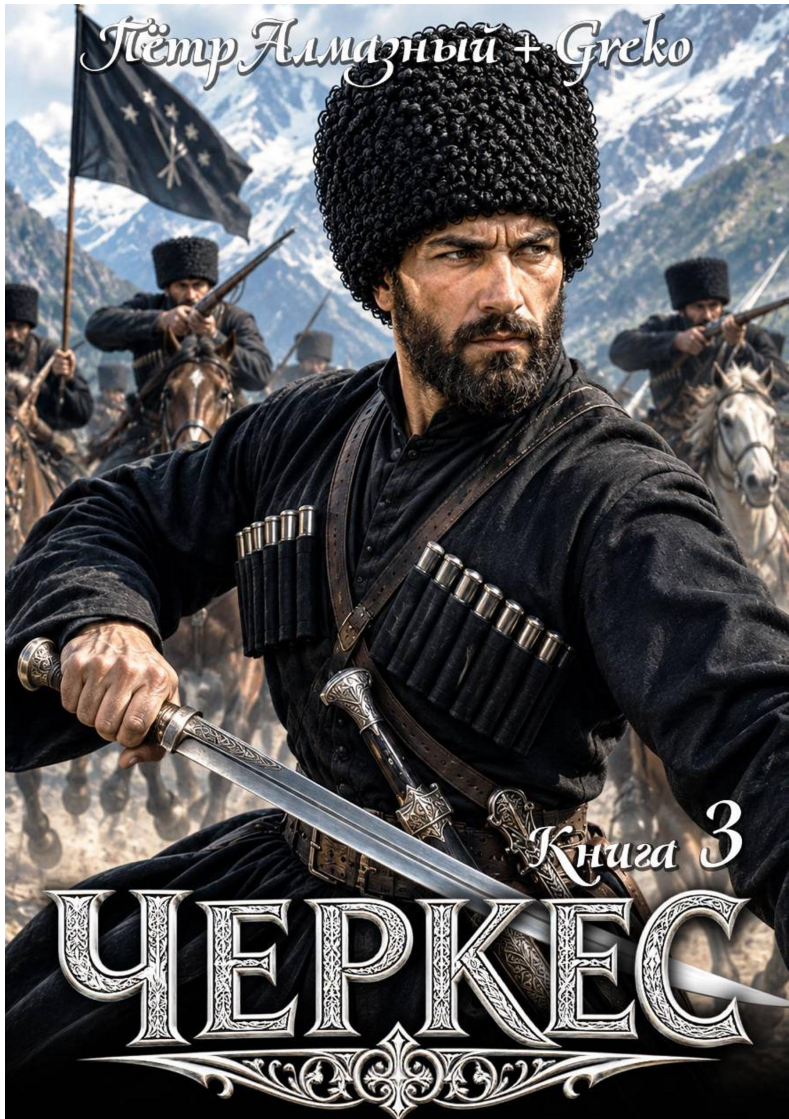

Петр Алмазный + Греко

Книга 3

ЧЕРКЕС

Greko Greko

Петр Алмазный

Черкес. Книга 3

<https://litres.ru/74685169>

SelfPub; 2026

Аннотация

Не время почивать на лаврах, когда новая Родина в опасности. Ведь Коста готов стать российским подданным. Теперь на смену картонным злодеям придут те, кто знает с какого конца братья за шашку или кинжал. Черкесия ждет нашего героя! Главное - выжить и выполнить сложнейшее задание русской разведки.

Содержание

Глава 1. Разговоры начистоту.	5
Глава 2. Прощание с Царицей.	19
Глава 3. Круассаном по горлу.	34
Глава 4. Урум, целовал ли ты грудь взрослой женщины?	52
Глава 5. Богиня Кавказа и княжич Бейзруко.	67
Глава 6. Битва под флагом Санджак-Шериф.	82
Глава 7. Последний рыцарь Кавказа.	100
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Greko, Петр Алмазный

Черкес. Книга 3

Название: Черкес. Книга 3. Побег из волчьей пасти

Авторы: Greko, Петр Алмазный

Глава 1. Разговоры начистоту.

Напоминаем читателю. Наша книга - альтернативная история. Любые совпадения случайны! Несоответствие исторических событий с реальной историей - чистой воды авторский произвол! Как и наша оценка реальных исторических личностей. Потому что они живут в нашей выдуманной реальности. Ибо наш герой уже сместил колесо реальной истории! Пусть даже на микрон. Или даже на месяц.

Мой путь лежал в Трабзон. Город-порт, превратившийся в черноморскую Тортугу, куда сбежались в поисках лёгкой наживы шакалы – работорговцы и контрабандисты. И шпионы. Куда же без них? Трабзон был настоящим шпионским кублом.

Но не это меня сейчас волновало. Я предавался самобичеванию.

«Какого лешего ты лезешь ко всем со своими танцами, прогрессор хренов?! Вот, не сидится тебе! Есть же хороший закон: напился – веди себя прилично! В твоём случае: напился – не выпендривайся! Знаешь же за собой этот грешок. Как хватанешь лишнего, тебя или тянет на сентиментальную дребедень, и чтобы обязательно слезьми облиться; или чего-нибудь этакое соорудить. Да еще, чтобы «этакое» было непременно с коленцами и финтифлюшками. Знаешь же, что на следующее утро будешь со стыда сгорать от того, что не удержался».

жался, что ляпнул лишнего, что вел себя, как актер погорелого театра... И ладно с грузинами и шалахо. Там так сложилось. Случайно вылетело, уже нельзя было отступить. Теодоракиса ты чего так подставил и сиртаки у него отнял? Сознательно же пошел на этот шаг. С цыганами мелодию разучил. Ножками сучил и слюной изошел в нетерпении от ожидаемого эффекта и триумфа. Смотрите, греки, как Коста умеет! Ах, Коста, самый веселый грек! Ах, Коста, наш герой! Коста, может, действительно, герой! А вот ты, Спиридон, позёр и любитель дешевых эффектов. Ну, ничего, ничего! Сейчас попадешь в Черкесию, там тебе точно не до танцев будет! Я погляжу на тебя, когда ты вздумаешь их учить лезгинке! Встречай, Черкесия! К тебе едет Моисеев и Сухишвили-Рамишвили в одном лице! Придурок! Ох, как же мне боязно, все-таки..."

Так я размышлял, костерил себя и одновременно пытался справиться с нервной дрожью, разглядывая проплывающий за бортом Синопский рейд и почёсывая колючую щетину. Мы со Спенсером с самой Одессы перестали бриться. Подготовка к нелегальному броску началась с бороды. Требовалось придать себе подобающий Черкесии вид.

На английском пароходе «Полумесяц» мы плыли вдоль берегов страны звезды и полумесяца, как давно уже называли Турцию. Классический красно-белый флаг Османов еще не появился, но полумесяц в виде лодочки как исламский символ применялся сплошь и рядом. Насмотрелся на него и

в Галаце – последнем турецком порте на Дунае, – и в Варне, бастионы которой все еще хранили следы русских пуль и снарядов, хотя война закончилась семь лет назад.

Трабзон был на подходе. Если все сложится удачно, через несколько дней мы будем в бухте Пшады. Круг моих морских вояжей замкнется, я оплыву всё Причерноморье. И завершится мое «кругоморское» путешествие по Черному морю в Черкесии. О том, как там все сложится, думать не хотелось. Вот я и старался крутить в голове всякую фигню. Например, о том, почему меня все время так и тянет танцевать.

— Размышляешь о нашем будущем? – голос Эдмонда заставил меня вздрогнуть.

К нему снова вернулась его чертова пронизательность. Следующая его фраза подтвердила это со всей очевидностью.

— На самом деле вопрос не в Черкесии. Ты же не можешь думать, что я не догадываюсь о причинах твоего настроения? Я слишком высокого мнения о тебе.

— О чем ты, Эдмонд?

— Как о чем? О нас. О доверии.

Я взглянул на него, пытаюсь не выдать своего испуга.

— Я же прекрасно видел, что тебе не нравилось то, чем я занимался в России.

— Это не совсем верно...

— В отношении Крыма – совсем. Ты оставил там свою родню, нашел людей, которые тебе по сердцу, создал место,

куда можно вернуться. Ты нашел себе новую родину!

— В царской России? – вскричал я как можно убедительнее.

— Да, я понимаю ... Ты разделяешь Крым и Россию с ее имперскими стремлениями и продажными чиновниками. Но Крым пока принадлежит России. Не уверен, что навсегда.

Сперва я его не понял. Решил, что он тоже попаданец и намекает на Украину. Потом встряхнул головой, желая очнуться. Какое к черту послезнание! Он же говорит о мечте англичан отторгнуть от России Крым.

Спенсер с легкой усмешкой в глазах смотрел на меня.

—Имей в виду, Коста. Россия есть и будет нашим конкурентом. И мы, англичане, не перестанем с ней бороться! И искать точки уязвимости. Я проехал по Крыму, видел враждебность татар. Случись война на полуострове, они выступят против твоих любимых греков.

— И тогда, мистер Спенсер, – я перешел на официальный тон, и он его принял, – вы придёте мне на помощь...

— Конечно, кунак. Конечно. А ты прикроешь мне спину в Черкесии.

Я протянул ему руку. Он крепко ее пожал. Мы пришли к соглашению. Не было смысла распинаться на тему «доверяешь – не доверяешь». Там, куда мы так стремимся, следует держаться друг за друга. И доверять абсолютно! Мы оба это отчётливо понимали.

... В Трабзоне оказался не один, а три порта. Первый

использовался в сентябре, когда прибывали суда, груженные орехами, во втором была якорная стоянка, а третий, в восточной части города у какой-то деревушки, был до отказа забит суденышками торговцев-контрабандистов.

Издали он смотрелся, как лес на воде — так много деревянных мачт, лишенных парусов, торчало над молом. Большею частью они принадлежали уродливым баркам. Их сотнями клепали на верфях в Стамбуле. А караваны тащили на местные склады порох, соль, свинец, слитки индийского булата, тюки с материей, кисеёй и шёлком, иголки и булавки... И все это грузилось в трюмы кораблей контрабандистов, готовых бросить вызов русской блокаде и не боявшихся ни бога, ни черта. За пять лет после введения Россией своих таможенно-карантинных правил в Восточном Причерноморье, в Трабзоне сложились, говоря языком моего прошлого мира, устойчивые организованные преступные группы.

Я полагал, что в окрестности этого порта лучше не соваться. В заведениях с высочайшей концентрацией утомленных жаждой мужчин и с женщинами низкой социальной ответственности или, попросту говоря, в портовых кабаках, наверняка, яблоку негде упасть из-за толпы настоящих пиратов. Еще в Сухуме на них насмотрелся. Сбежались сюда со Средиземного моря, почуяв запах добычи. Да и французы решительной рукой в Алжире искореняли средиземноморскую вольницу. Многовековому пиратскому бизнесу Магриба пришел конец. Миновали те времена, когда Европа пыта-

лась откупаться от волков алжирского дея. Вот и потянулись «джентльмены удачи» в турецкое Причерноморье. Султан не возражал.

Пароход отдал якоря во втором порту. Мы перебрались в шлюпку, которая доставила нас на берег. Двухэтажные дома вполне себе приличного вида стояли вплотную к воде. В проходах между ними толпились встречающие. Среди них я разглядел Ахмета, моего знакомого албанца и порученца Стюарта. «Рыбий глаз» нас ждал в городе, но на пристань не явился. Шифровался.

Стоило нам очутиться на берегу, нас окружила толпа оборванцев, расхватавших наши вещи. Носильщики вели себя странно: там, где требовался один, участвовали трое. Самый удачливый завладел трубкой Спенсера и теперь нес ее на вытянутых руках, как величайшую драгоценность. Но Ахмет, как ответственный за это безобразие, не возражал.

— Чем больше народу, тем безопаснее, — пояснил он нам, поздоровавшись. И указал на еще троих сопровождающих — лазов-телохранителей в чалмах и с ятаганами за поясом. — Лазов здесь много. Почти полгорода. А вторая половина — греки. Но ты, Коста, имей в виду: по-гречески они не бель-меса. Османы им условие поставили — или язык, или религия. Они выбрали церковь.

Мне показалось, что Ахмет несколько преувеличил засилье лазов и греков. Пока мы шли вдоль глубокого рва вдоль крепостной стены с квадратным башнями, я наблюдал зна-

кому по Стамбулу картину. Армянские купцы, женщины в черном, закутанные и наряженные так, что глаз не видать, и укрывающиеся черными же зонтиками, турки в белых чалмах... Разве что балканцев не было видно.

А еще нас на каждом шагу ждали отдыхающие на площадях караваны верблюдов на фоне больших европейских зданий. Вот такая колоритная экзотика в городе, который карабкался на возвышающуюся над ним гору не без изящества. Он выделялся в архитектурном плане в лучшую сторону в сравнении со старым кварталом Стамбула. На улицах было чище, а многие здания радовали глаз, стоило нам подняться повыше от порта.

— Здесь сходятся торговые пути в Персию и Закавказье, — пояснил нам Ахмет, взявший на себя роль гида. — Сухопутная торговля, на самом деле, куда важнее и богаче, чем контрабанда в Черкесию.

— А как же торговля женщинами? — спросил Эдмонд.

— Для многих она — источник самого быстрого обогащения. За три или четыре рейса турецкий купец, при некотором счастье, может стать богатым человеком. Будет преспокойно доживать свой век в неге и комфорте.

— Ага, — хохотнул я, — Если русские крейсера не перехватят. С работоторговцами они не церемонятся. Топят, в плен не берут.

— Ну, раз свидетелей не остается, то и говорить тут не о чем, — логично возразил Ахмет. — Пропал и пропал, кто будет

горевать? Зато примеров удачных поездок и большого барыша – полон город. Вот и лезут новички, будто им медом там намазано. И стоит проявлять осторожность. Я не случайно явился в компании телохранителей. Каких только подонков не встретишь в портовых районах. Особенно опасны алжирцы. Они еще не позабыли свои корсарские привычки и, чуть что, хватаются за свои тонкие ножи-филисы. А такой нож с легкостью пробивает кольчугу.

Он привел нас в арендованный дом в средней части города. В нижней, как он нам пояснил, живет одна беднота, а повыше разместились важные правительственные чиновники и офицеры.

Стюарт нас ждал. Предложив традиционный кофе и чубуки, он сразу перешел к делу.

Сперва он долго ругался из-за действий русских властей в Трабзоне.

— Они ведут себя здесь, как у себя дома. Указывают туркам, что им делать. А султан все это терпит и скоро не успеет оглянуться, как разделит участь крымского хана или Польши.

— Но мы же этого не допустим? – серьезно спросил Спенсер.

— Слава Богу, у меня еще хватает друзей среди неравнодушных турецких офицеров. Я провел, пока вы, Эдмонд, плавали с Воронцовым, важную операцию вашего прикрытия. Этот город кишит лазутчиками. Каждый второй докла-

дывает русскому консулу Герси. Поэтому мне не составило особого труда распусть слухи, что я в компании какого-то итальянца выехал в июле в Черкесию.

— То есть вы придерживались той легенды, что мы придумали весной?

— Именно так, сэр.

— Я буду представляться генуэзским врачом, – пояснил мне Спенсер. – Есть слабая надежда, что черкесы не забыли про генуэзцев и про Геную. Как-никак, генуэзцы столетиями посещали берега Кавказа, и я надеюсь, что под такой личной покажусь адыгам не столь подозрительным.

— Вы – врачом? – удивился я, избегая ему тыкать в присутствии Стюарта.

— Тебе известно не про все мои таланты, – улыбнулся Эдмонд. – Тем более, врач на Востоке – профессия уважаемая. Вы приготовили для меня, мистер Стюарт, докторский саквояж?

— Конечно, сэр! Но позвольте, я продолжу ... Итак, русский консул получил информацию, что в июле некий итальянец прибыл со мной в Пшаду и там остался. Теперь, когда вы окажетесь у черкесов и русские военные власти узнают про некоего врача-генуэзца, они не смогут связать с ним вас, ибо в июле вы никак не могли попасть в Черкесию. Понятно, что впоследствии они узнают ваше истинное имя – напрямую из вашей книжки, – Стюарт хмыкнул, давая понять, что не одобряет писательский зуд Эдмонда. – Но, по край-

ней мере, на первых порах они не станут проявлять излишнего рвения, пытаясь вас схватить. И без того хватает обстоятельств считать вашу поездку опасным предприятием!

Хитро придумано, ничего не скажешь! И теперь понятно, что Герси не работает на англичан. Они его считают болваном, и, похоже, что не без оснований. Но русская разведка — не пальцем деланная. И Фонтон, и русские генералы на Кавказе более чем осведомлены о планах Спенсера. Не без моего участия, конечно. И их план внедрить меня в общество Эдмонда и вместе с ним провести глубокий поиск по тылам противника все ближе и ближе к реализации.

— Какие обстоятельства превращают мою вылазку в «опасное предприятие»? — спокойно осведомился Спенсер, затягиваясь чубуком.

— Во-первых, сэр, она нелегальна. Царь Николай еще в мае потребовал, чтобы все иностранцы покинули Кавказ, и назначил награду за поимку тех, кто остался или прокрался туда тайком.

— Пятьсот рублей серебром, — подтвердил я, вспомнив разговор с Папой Допуло и его щедрое вознаграждение за «пустяковую» услугу.

— Именно так. Не опасайтесь предательства со стороны черкесов. Они вас не выдадут. Кодекс чести для них слишком важен, чтобы разменивать его на серебро. Но бойтесь казаков. Эти будут преследовать вас с азартом.

— Да уж, не хотелось бы им попасться. Что скажут мои

крымские друзья-аристократы? – выразил свою обеспокоенность Эдмонд.

Я обалдел! Его сейчас волнует исключительно сохранение лица?! Тут бы жизнь сохранить – так вопрос стоит!

— Во-вторых – продолжил «Рыбий глаз», – черкесы крайне подозрительны ко всем чужакам без исключения. Если во внутренних районах они вас схватят, и вы не сможете доказать наличие кунака-черкеса, по приглашению которого вы находитесь в стране, вас немедленно превратят в раба.

— Насколько я понимаю, этот вопрос уже решен? Сефер-бей обещал мне списаться со своими конфидентами в Черкесии и заручиться их согласием.

— Положительный ответ уже получен, не извольте беспокоиться. Но предупреждаю: покровительство шапсугского или натухайского князя не станет для вас стопроцентной гарантией. Другие племена могут быть с ними во вражде, и тогда титул кунака может обернуться против вас. Как ни странно, фирмы султана, которыми мы вас снабдим, могут оказаться более полезны. Султан – не просто руководитель Османской империи. Он еще и духовный лидер всех мусульман, ибо Мекка находится в его владениях. Пускай черкесы не столь тверды в вере, как турки или татары, но слово султана для них важно.

— А золото?

— Нет! Золото для них – на последнем месте. Конечно, они знают цену деньгам. Но привыкли добывать их грабе-

жом, а не оказанной услугой.

— Какие еще испытания нас ждут? – снова спокойно спросил Эдмонд, демонстрируя свою фирменную выдержку, которой теперь не грозила саранча и продажные русские чиновники.

— Транспортировка. Это, наверное, самая опасная часть вашего вояжа. Вы поплывете на бочках с порохом.

— Надеюсь, это фигура речи?! – не удержался я от вопроса.

— Отнюдь! Именно бочки пороха и ружья будут загружены в трюм вашего корабля. Они станут ещё одним пропуском для вас у черкесов. Они ждут груз с нетерпением. Боеприпасы и огнестрельное оружие оплачены нашим посольством, надежный капитан подобран. Вас ждет лучший корабль Трабезонда и отборная команда головорезов. Осталось лишь благополучно доплыть. И избежать ядер русских крейсеров.

Обалдеть в третьей степени! Ничего себе поездочка нам предстоит! Игра со смертью! Русская рулетка! Почему Эдмонд так спокоен?

Вероятно, он все прочел на моем лице и уверенным тоном объяснил:

— Когда прочие варианты невозможны, к чему беспокоиться о неизбежном? «Будь, что будет» – ведь так ты мне часто сам говорил.

Тут я бы с ним поспорил. Помнится мне, я говорил о том,

что будем искать другие пути, когда решался вопрос с отъездом родни из Одессы. Неужели нет возможности купить или нанять корабль без подобного смертоносного груза?

— Понимаешь, Коста, если мы не привезем с собой оружие, мы будем выглядеть болтунами и дальше побережья нас не пустят. Я буду выглядеть болтуном. Я уже обещал черкесам порох, когда в последний раз был в Суджук-Кале.

— Эдмонд – взмолился я. – Ничего не понимаю! Какие черкесы? Какой порох? В последний раз в Суджук-Кале вы встречались со штабом генерала Вельяминова!

— Я неточно выразился, прости. Я бывал в Черкесии и раньше. Два года назад. Теперь можно в этом тебе признаться.

— Вместе с Урквартом? – догадался я.

— Именно так, кунак. На яхте капитана Лайонса в 34-м. Мы покатались по окрестностям, поднимались на горы и перезнакомились со многими вождями. К одному из них мы и поедем. И я обещал ему порох, соль, турецкие винтовки и свинец для пуль. Кстати. В следующем году после нашего визита в Цемесе была задержана английская яхта «Лорд Спенсер». Ты не находишь забавным это совпадение?

— Я нахожу его скорее предостерегающим, – грустно ответил я. – Но ведь тебя ничто не остановит?

— Сейчас? Когда мы в полушаге от успеха?

— Будь, что будет, – повторил его слова, сказанные минутой назад.

— Не стоит отчаиваться, мистер Варвакис! — решил подбодрить меня Стюарт, вернув мне титул «мистера» в столь ответственный момент. — У меня есть кое-что, чем поднять вам настроение. Мы поработаем с Эдмондом с бумагами. Вы же прогуляетесь с Ахметом в одно место, где вас кое-кто ждет.

Глава 2. Прощание с Царицей.

Город лежал у подножия огромной горбатой горы, на которую нам пришлось подниматься. Отсюда Трабзон был как на ладони. Синее море, порты со множеством разнообразных «торговцев», древняя крепость, расположенная, оказывается, на нескольких ярусах, мечети и греческие церкви. Красиво...

Но не стоит забывать, что здесь натуральный гадюшник, кишачий шпионами, работоторговцами и преступниками. И многочисленные минареты – как развернутая система ПВО, охраняющая город греха от небесного божьего гнева.

Ахмет шел рядом, молчал, не мешал мне разглядывать город. После последней встречи во дворе хана я уже не воспринимал его, как головореза и человека опасного для меня. Наоборот. Был благодарен ему за пощечину и совет, данные в тот вечер, за кувшин с ракией и сочувствовал его горю.

— Как ты, Ахмет? – я отвлекся от рассматривания города.

— Хорошо! – признаться, не ожидал услышать от него такой ответ, да еще и сказанный с почти детским задором и весельем.

Он заметил моё изумление. Улыбнулся.

— Ты думал, что мне не может быть хорошо?! Или ты думал, что мне бывает хорошо только тогда, когда я хватаю таких, как ты, надеваю им на голову мешок и затаскиваю в

подвалы?! – тут он наклонился ко мне, изобразил явно гротескный звериный оскал и закончил хриплым голосом. – А потом режу их на куски?!

Довольный представлением, Ахмет рассмеялся. Я же не испугался совсем, но смутился. В принципе, он верно уловил суть: так я о нем и думал. Но! Так я о нем думал до нашей последней встречи. Справившись со смущением, я рассмеялся в ответ.

— Нет, Ахмет! Я так уже не думаю.

Ахмет с достоинством принял мое признание.

— А куда мы идем? – спросил я, чтобы замять неловкую паузу.

— Уже пришли.

Ахмет указал на домик, напоминающий альпийское шале.

Зашли в домик. Нас встретила симпатичная служанка. Что она симпатичная я определил потому, что она не скрывала своего лица. Меня это поразило!

«Может, тут в Трабзоне и нравы другие? И всем женщинам вышло послабление? Да, вроде, нет. В городе же все женщины были, как и полагается, с накидками. Хм...»

Служанка, между тем, уже подошла к нам.

— Госпожа ждет! – сказала она мне, после чего с радостной улыбкой посмотрела на Ахмета.

Ахмет уже вовсю улыбался ей в ответ.

«Что это у них за лямур-тужур такой?» – я никак не мог справиться с изумлением.

Ахмет, как неразумному, указал мне на дверь.

— Тебе туда!

После чего опять обратил свой взор на молодую женщину. И было очевидно, что оба они сейчас только и ждут, чтобы я, наконец, прошел в указанную комнату, оставив их наедине.

«Ладно, ладно, иду!»— бурчал я про себя, направляясь туда, куда меня послали.

...Когда открыл дверь и вошел в комнату, все, о чем я думал это время, начиная с танцев и заканчивая странным поведением Ахмета, вмиг улетучилось. Пропали все страхи и сомнения. Весь мир сошелся в одной точке: в середине комнаты. Там, где стояла знакомая мне фигура, столько раз являвшаяся мне в моем сознании и в моих снах.

— Малика! Царица моя!

Я бросился к ней, уже на ходу отмечая, что у неё чуть изменилось лицо, да и вся фигура. Но глаза! Глаза! Эти изумрудно-зеленые глаза ничто на свете не могло изменить. Даже солнце не смогло бы их ослепить!

Я уже обнял Малику, уже лихорадочно целовал её, прикасаясь короткими и поспешными поцелуями: глаза, губы, щеки, шея. Взялся за обе её руки, наклонился и целовал руки. Прижался к её животу...

Царица с улыбкой смотрела на меня сверху вниз, когда я оторвался от живота. Некоторое время смотрел в изумлении, потом резко поднял голову и так и застыл с немым вопросом в глазах.

— Шестой месяц! – подтвердила Малика.

— А....?

Я ничего не успел спросить.

— Коста, любимый. – Малика погладила меня по голове.

– Это не твой ребенок.

Она сказала это так, что у меня не было сомнений в том, что она не врет, и это правда – не мой ребенок.

Я распрямился. Нежно обнял её. Долго так стояли.

— Я подурнела, да?

Я улыбнулся. Все-таки Малика была настоящей женщиной.

— Малика, душа моя! Для меня ты всегда будешь самой красивой женщиной на свете!

Я разомкнул объятия. Малика была и смущена, и рада.

— Всегда, всегда? – в ее глазах уже плясал знакомый мне огонь.

В ней вдруг проснулась та чертовка, которая свела меня с ума с первой же минуты нашей встречи у дверей хана. Та госпожа, которой я и все мое тело сдались без боя. А еще у меня так давно не было женщины! Очень давно! Со Стамбула!

— Всегда, всегда!

— Уууууу! – довольно замурлыкала царица.

И неожиданно рука её скользнула вниз.

— Малика! – взмолился я.

— Просто хотела проверить! – наивным голосом отвечала

царица.

— Убедилась?

— Да! – Малика была довольна.

— А мне что теперь делать? Так и ходить?

— Неужели ты не властен над своим телом? – прыснула Малика.

— Когда ты рядом, я уже ни над чем не властен. Я твой раб. И все мое тело подчиняется тебе. Ты же знаешь.

— Ну, тогда я приказываю своему рабу успокоиться! – действительно приказала царица.

И «раб» послушно исполнил пожелание госпожи.

— Пойдем.

Малика потянула меня к дивану. Села. Указала мне на место подле себя.

— Ложись!

Я лег. Положил ей голову на колени. Она обняла мою голову. Гладила.

— Знаешь, я тогда все думала, с чего меня так завело с тобой?

— Ты просто уже несла этого ребенка...

— Да.

— Ты счастлива, царица моя?

— Да, Коста.

— Это главное. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

— А ты?

— Сейчас я самый счастливый человек на свете. А завтра

– посмотрим.

— Будь счастлив!

— Постараюсь!

— Найди себе женщину...

— Малика! – я даже чуть дернулся головой. – Как можно найти женщину после тебя?

— Тсссс... – успокоила она меня, как ребенка, опять уложив мою голову к себе на колени. – Ты обязательно найдешь себе достойную женщину...

Я вздохнул. Чуть подумав, Малика все-таки не удержалась:

— Конечно, такую, как я, ты уже не встретишь...

Я, улыбаясь, покачал головой: о, женщины! Малика рассмеялась в ответ.

— Ну, ты же сам говорил, что я лучшая?! – нашла себе оправдание.

Я кивнул.

— Но ты обязательно встретишь красивую и достойную женщину. Я так хочу!

— Слушаю и повинуюсь!

— Вот и хорошо!

— Как ты здесь оказалась, душа моя?

— Здесь неподалеку есть озеро – Узунгёль. Очень красивое. Не так жарко. И вокруг все такое, что глаз не нарадуется. Муж отправил, чтобы я отдыхала.

— А муж?

— О! Он теперь большой человек. Его назначили руководить разведкой в Румелии. Перевели из Измира. Очень вовремя нам наследство в руки свалилось.

— А ты теперь за ним поедешь?

— Нет. Я буду жить во дворце в Бююкдере.

Я догадался, о чем она говорила. Дворцом я тот дом поостерегся бы назвать, но поправлять ее, естественно, не стал. Как и объяснять причины неожиданно привалившей ее семье удачи. Но поворот судьбы, организованный моими руками, прямо скажем, неожиданный. Я не искал себе оправданий с самого момента убийства Барыша. Я был в своём праве. Но сейчас мне было приятно сознавать, что тот выстрел поспособствовал счастливому будущему моей царицы.

— Круг замкнулся, – улыбнулся я своим словам и, главное, мыслям. – Теперь ты будешь настоящей госпожой и царицей и на словах, и на деле!

— Да! – мягко улыбнулась в ответ Малика.

— Англичане?

— А куда они денутся? Тем более, когда у мужа такая должность!

— Ты так легко об этом говоришь?

— Коста, у меня нет страха перед ними. Им больше мною никогда не командовать! Я ребенка жду! Всех загрызу, кто встанет на моём пути!

— Хорошо!

Я прижался к Малике. Она продолжала гладить меня по

голове. Больше нам обоим говорить не хотелось. Малика вдруг запела. Пела на боснийском. Наверное, песню своей юности. У царицы – кто бы сомневался – и голос, и слух были великолепными. Я, конечно, не мог разобрать всех слов, но кое-что до меня доходило. Пела о любимом, который уходит в дальний поход, прощается с любимой. Обещает вернуться. Просит любимую не плакать...

Раздался тихий стук в дверь. Следом – голос служанки.

— Госпожа!

Малика утерла слезу.

— Пора!

Мы встали. Обнялись.

— Береги себя! – сказала мне моя царица.

— Я люблю тебя, Малика! - ответил я.

Наклонился. Поцеловал её руки.

— Прощай!

— Прощай, Коста. Прощай, любимый мой! Moj dilbere! –

Малика поцеловала меня в губы.

...Я вышел. Служанка, стоявшая возле дверей, кивнула мне, проскользнула в комнату. Ахмет внимательно смотрел на меня. Я подошел, мягко хлопнул его по плечу.

— Пошли!

Шли обратно. Ахмет с некоторой тревогой смотрел на меня.

— Все в порядке, Ахмет. – успокоил его. – Я помню твой совет. Я отпустил. Теперь – навсегда.

Ахмет кивнул.

— Знаешь, Ахмет, есть такая фраза: «Печаль моя светла»?

— Нет, не знал.

— Вот совсем редко в жизни людям удается понять и почувствовать её настоящий смысл. Как мне сейчас. Печаль моя светла.

— Красиво! - оценил Ахмет. – Кто сказал?

— Один русский поэт. Пушкин.

— Хороший, наверное, поэт?

— Лучший, Ахмет! Лучший!

Я улынулся Ахмету, понимая, что совсем не лукавлю. Мне было грустно, но и необычайно легко сейчас.

— Ты мне лучше скажи, Ахмет, а что это у тебя за такие отношения со служанкой Малики? А? Смотрели так друг на друга...

Ахмет закашлялся.

Да ладно! Я не мог поверить своим глазам! Бог мой, я в первый раз видел перед собой не Ахмета-головореза, а Ахмета смущенного. Я засмеялся. Ахмет, не удержавшись, рассмеялся в ответ, признавая, что его подловили.

— Это жена моя! – даже чуть покраснел, отвечая.

Я перестал смеяться.

— Поздравляю! – я был искренен. – Я очень рад за тебя, Ахмет! За вас!

— Спасибо!

— И будьте счастливы!

Ахмет в знак благодарности приложил руку к сердцу.

... Вернулись с Ахметом на конспиративную квартиру англичан. Прежде, чем войти, я собрался и выкинул из головы все лишние мысли. Теперь только дело. Только путешествие к волку в пасть!

В зале, где проводился первый инструктаж, народу прибавилось за счет турецких офицеров. Среди них выделялся статью и какой-то обреченностью в глазах высокий мужчина в мундире полковника. Его властные манеры и привычка быть лидером были видны невооруженным взглядом. К нему обращались с почтением.

Меня представили. Оказалось, что передо мной тот самый Сефер-бей Зан или Заноко, о котором я так много слышал. В жизни бы не поверил, что передо мной черкес. Его аккуратная бородка с усами и явное знакомство с европейским этикетом путали картину. Я не удержался и сказал об этом вслух.

Он ухмыльнулся:

— Мальчиком я воспитывался в Ришельевском лицее в Одессе. Потом служил в полку под Анапой. Мой командир был воплощением зла. Все мерзкое и гадкое, что есть в русской натуре, соединилось для меня в этом человеке. Я бежал от него в горы и с тех пор не перестаю бороться с русскими.

Он внимательно в меня взгляделся.

— В тебе есть что-то от горца. Лысая голова и греческие

черты ... Борода отрастет – сойдешь за натухайца. Существует предание, что их предки прибыли из-за моря. Ахейцы или даже троянцы, бежавшие от гнева своих победителей... Давайте примерим костюмы, которые я вам приготовил.

На груди наших вещей, в которых я безошибочно признал, набор, выкупленный по совету стамбульских друзей Тиграна, лежали две белые черкески, красные чувяки, ноговицы и прочие детали кавказского костюма.

— Этот наряд похож на военную польскую тунику, только без воротника, – восхитился Спенсер. – Его, как я понимаю, следует перехватывать этим великолепным поясом, отделанным серебром?

— Именно так, мистер Спенсер, – согласился Сефер-бей. – Обычный наряд горца, будь он князь или простой уорк. К этому поясу подвешивается кинжал, который есть все для черкеса – и щит, и оружие нападения. Но не столовый прибор! Этой цели служит вот этот маленький острый нож, если не считать ваших пальцев.

Он рассмеялся, представив картину нашего будущего недоумения за обеденным столом в гостях у своих соплеменников.

– Им же можно побриться, – кивнул он на мою лысую голову. – Так же на пояс вешается пара пороховниц и маленькая коробочка с салом, чтобы смазывать пули, с кремнями и прокладками из кожи. Нередко на пояс вешается и маленький топорик...

Черкесский вождь погладил пальцами сафьяновые газыри на черкеске.

— Наряды юности моей... В деревянных патронах на груди найдете много полезного. Свинцовые пули, куски смолистого дерева и серные нити, чтобы быстро развести огонь. Рукоятки ваших плетей обернуты бумагой, пропитанной воском. Из нее быстро скрутите свечу на привале...

— Почему белые? – спросил я, имея в виду цвет наших черкесок. – Разве воины не должны маскироваться в лесу, когда выслеживают врага?

— Хочешь красные, как положено князьям и знатным родам? – усмехнулся Сефер-бей, нахлобучивая мне на голову пышную папаху из овечьей шерсти. Я ее терпеть не мог с детства. Башка потела! – Ты воин? Знаешь с какого конца за шашку браться?

Я отрицательно покачал головой, не решаясь снять папаху.

— То-то и оно! Вы – иностранцы! И должны своим видом об этом сказать каждому встречному, чтобы не возникло недоразумения. Поэтому ваши красные накидки для ночевки в горах, которые вы приобрели в Константинополе, будут весьма кстати. И никаких сабель на шелковом шнуре через плечо, если не хотите проблем! Только пистолеты, винтовки и кинжалы. Какая шашка у доктора-хаккима и у его слуги?!

— Я не слуга! – я гордо выпятил подбородок.

— Это – хорошо! Я в тебе не ошибся, маленький грек, –

уже бесила эта его постоянная ухмылка. — Таким и будь среди адыхов! Гордость и честь — главное оружие кавказского мужчины! Веди себя, как князь — будешь князем! По крайней мере, любой русский солдат называет таковым всякую шваль!

Он засмеялся неприятным каркающим смехом. Я чувствовал, что завожусь. И Спенсер поспешил вмешаться, гася конфликт в зародыше.

— Воу-воу! Полегче, храбрые воины! Мы среди друзей, а не врагов. Достопочтимый Сефер-бей, лучше, чем насмехаться над человеком, не раз доказавшим свою храбрость, расскажите нам о политической обстановке.

— Ну, что вам сказать про закубанских черкесов? Сам я княжеского рода из племени хегайк из окрестностей Анапы. Мой отец был богатейшим человеком, его знали и уважали все, кто жил пред Кавказским хребтом. Народ адыхов, издревле населявший кубанские земли, лет сорок назад сошел с ума. Всех князей и благородных мужей стал убивать, как шакалов. Абадзехи — самый подлый народ. Они не только изгнали князей, но и преследовали их на землях племен, принявших несчастных.

В тоне полковника звучала нескрываемая ярость. Его княжеское достоинство оскорбляли события недавнего прошлого. И боль от Гражданской войны среди черкесов в его сердце не утихла. Как и от нанесенных обид.

— Ныне правят старейшины из уорков, хотя князя у шап-

сугов и нутухайцев еще сохраняют влияние. Конечно, когда в Турцию прибывают их посланцы, я оказываю им должные знаки внимания. Но для меня они все – пыль под ногами...

— Уважаемый Заноко! Есть ли какие-то политические партии, на которые делятся вожди? Как вообще они объединяются, чтобы бороться с общим врагом? – задал Спенсер очень важный вопрос.

— Благодаря моим усилиям и помощи нашего общего друга, Дауд-бея Уркварта, ныне сложилась конфедерация князей и вождей. Свободный народ Черкесии не готов мириться с тиранией Белого Царя. Старая вражда забыта. Воинственный убых готов прийти на помощь шапсугу, чтобы смести крепости русских. Но единства, как не было, так и нет. Анапские и черноморские племена готовы идти в бой. Но закубанцы – те, кто живут у великой реки Пшизе – колеблются. Их главный лидер – это Джамбулат Болотоко, великий воин, повесивший свои сверкающие доспехи на стену своего дворца. Он призывает черкесов не нападать, но обороняться. И сегодня – это главная проблема.

— Можно как-то повлиять на его решение? – заинтересовался Эдмонд.

— Повлиять на Джамбулата? Хо-хо, вы не видели этого человека, выкованного из дамаска. Его называют последним рыцарем Кавказа. Я дам вам с собой письма к вождям. И Дауд-бей написал очередное воззвание. Все это вам следует донести до военного совета конфедерации, если до него до-

берётесь.

Не сказал бы, что последнее замечание обнадеживало. Казалось, что Сефер-бей смотрел на нашу поездку, как на авантюру. Но и не отговаривал. Наоборот, дал последнее наставление — весьма важное, несмотря на его прозаичность.

— У каждого вождя есть жены и дети. Запаситесь подарками. Различные безделушки, скорее яркие, чем дорогие, будут весьма кстати. Разноцветные и белые муслиновые шали, булавки, иголки, немецкие серебряные табакерки... Эти уорки падки на подношения!

Сказал так, будто отправлял нас к команчам или ирокезам в леса Северной Америки. Как истинный вождь и потомственный князь, он глядел на своих будущих подданных с царственным презрением. Но я хорошо знал кавказцев. Их внутренняя гордость не позволит никому смотреть на них сверху вниз. Голову снимут, не задумываясь. Тем более, когда на поясе висит шашка!

Глава 3. Круассаном по горлу.

Из Трабзона отплыли незадолго до полудня.

Плыть нам предстояло на двухмачтовой бригантине с названием «Блида». Как не вертел в голове это, столь пограничное по фривольности для русского уха, название, ничего в голову знакомого не пришло.

«Скорее всего, или город, или женское имя, – решил про себя. – Лучше бы город. Женщине с таким именем в России пришлось бы туго. Впрочем, это еще надо постараться Блиде попасть в Россию. А на арабском может означать что-то необычайно красивое».

Потом эта ерунда с названиями и их различным звучанием еще вертелась некоторое время в голове. Сказал себе стоп в тот момент, когда вспомнил, почему наши «Жигули» на иностранных рынках переименовали в «Ладу». Ровно из-за этого: Жигули коверкали в Жиголо. А такого наше гордое руководство допустить не могло. Я уже молчу, почему «Паджеро» продается в испаноязычных странах под другим названием...

— Согласись, Коста, наше судно не такое экзотичное, по сравнению с теми, которые мы обычно видим под турецкими флагами...

Я кивнул, отвлекшись окончательно от нелепых названий и имен, и вернулся к разговору с Эдмондом. Точнее, к вы-

слушиванию его восторженного монолога. Он все никак не мог успокоиться, оценивая «Блиду».

— ...но зато по чистоте и аккуратности оно выглядит, как только что покинувшее лондонские доки!

«Ну, конечно! Только из твоего Лондона могут уходить в плавание такие чистые корабли!»— ворчал я про себя.

— Ты только посмотри: все гайки, все веревки на своих местах. Нет, определенно, тот американец в Константинополе, кораблестроитель, был человеком незаурядного дарования, если смог построить такую красавицу!

Я кивнул.

— А наш капитан! Какая мощь! Просто – Геркулес!

Тут со Спенсером нельзя было не согласиться. Капитан, представившийся в коротком знакомстве Абделем, действительно заслуживал звания античного полубога. Живи он в мое время, с легкостью потеснил бы Арнольда с пьедестала Мистера Олимпия. Высокий, идеальные пропорции, гора мышц. Но не это первое бросалось в глаза при знакомстве с ним, а шрам. Ужасный шрам через все лицо. И, может Абдель был весельчаком и балагуром, но шрам не оставлял ему шансов, навсегда запечатлев на его лице выражение свирепости. Впрочем, весельчаком и балагуром он и не был, что стало сразу ясно с первых наблюдений за ним.

— Я узнал, – Спенсер наклонился к уху, зашептал, – что у него отец марокканец, а мать испанка. Он почти, как вы.

— В смысле?!

— В смысле знания языков. — успокоил меня Эдмонд. — Знает арабский, испанский, итальянский, ну и турецкий. Так что проблем в общении не будет.

«Опять мне переводить без продыху! Прямо сейчас и начну», — вздохнул я, наблюдая приближающегося к нам капитана.

— Капитан! — радостно приветствовал его Спенсер. — Я как раз только что выражал Косте свое восхищение вашим кораблем и выучкой вашей команды!

Я перевел. Абдель просто кивнул, принимая как должное восторг Спенсера.

«Может, и с продыхом», — оценил я явную немногословность капитана.

И с похвалой Спенсера команде бригаантины тоже нельзя было не согласиться. Несмотря на их пестрый вид — и по составу, и по одежде — когда совсем не ждешь от такой гоп-компании слаженных и толковых действий, они сейчас работали как часы. Быстро, но без суеты. Практически, молча.

«Впрочем, — думал я, наблюдая за шайкой полуголых людей в красных шалевых поясах, набитых пистолетами и пороховыми зарядами, — у такого капитана — не забалуешь!»

Не успел я подумать об этом, как один матрос неловко споткнулся набегу, с грохотом растянулся на палубе.

«Накаркал!» — усмехнулся я, наблюдая, как упавший совсем не обратил внимания на падение, а сразу бросил испуганный взгляд на своего капитана.

«Люлей ждет и боится!»

Абдель повернул голову, посмотрел на несчастного.

— Осторожнее, Марсель, — только и сказал, после чего отвернулся.

Марсель, француз, очевидно, радостно кивнул, вскочил на ноги, побежал дальше. В его глазах, к удивлению, я увидел не облегчение от того, что он избежал наказания. В них явно читалась любовь к капитану и гордость за него.

«Выходит, люлей не боится. Вся команда работает как часы! Они любят Абделя! Он строг, но справедлив. Без нужды не наказывает. Только за явные оплошности и провинности» — оценил я увиденное.

— Как я вижу, — Спенсер, также отвлекшись на этот небольшой инцидент, вернулся к разговору, — мы не одни на корабле?

Хоть произнес вежливо, но была в его интонации смесь недоумения и недовольства.

«Щелкнули тебя по носу. Не оказали «королевских» почестей!» — усмехнулся про себя, переводя капитану.

— Вы про этих трех турок? — Абдель не обратил внимания на тон Спенсера.

Спенсер кивнул.

— Арматор-турок, снарядивший корабль в Константинополе, — мой компаньон. Эти трое — торговцы от него.

Объяснив, Абдель совсем не оправдывался. И было ясно, что и не считает это нужным. Его корабль — его правила!

Спенсер проглотил ответ капитана. Ничего не ответил.

К капитану в этот момент подбежал, наверное, его помощник.

— Море, капитан! — коротко доложил.

Что означало, что мы только что вышли в открытое море. Капитан кивнул. Помощник тут же махнул рукой. Раздался грохот. Синхронно выкатили 4 пушки. В задраенные порты не выставляли. Крепили намертво к палубе, чтобы не разнесли все к чертям. Я оторопел. Посмотрел на Спенсера. Тот, улыбнувшись, только развел руками.

«Встали на боевое дежурство! — вздохнул я. — Этот капитан совсем не прост. Да что там — необычный капитан. Как и его судно!»

— А мы разве не берегом пойдем? — я не удержался, высказывая свое опасение.

— Зачем? — Абдель оставался совершенно спокойным. — Зря потратим время. Пойдем к самому «сердцу моря», потом повернем на восток. Вы чего-то опасаетесь?

И что я мог ему ответить?!

— Идите спать! — легкая улыбка коснулась губ капитана. — Завтра на обед у нас будет кассуле.

Мы переглянулись со Спенсером, когда капитан нас покинул. Он неожиданно подмигнул мне.

— Пожалуй, капитан прав: пойду-ка я лягу. И тебе советую. Поверь, с таким морским волком нам не о чем беспокоиться!

Спенсер направился в свою каюту. Я подумал о том, что теперь по-настоящему могу оценить, что значит быть «как на пороховой бочке»!

«Трюмы заполнены порохом и оружием под завязку, четыре пушки, а у него, видите ли, кассуле на обед» – не переставал я ворчать про себя, направляясь в свою каюту.

... Прошла пара часов. А мне все не спалось, будто мешало отсутствие уже привычного грохота машины в трюме и стука гребных колес. Я чертыхнулся, поднялся с постели.

Выбрался на палубу. Удивился, когда заметил на носу корабля капитана. Он покинул шканцы – свое законное место, чтобы потеснить на баке экипаж в их зоне отдыха, лишив его возможности справить нужду. Еще больше удивился, когда понял, что он сидит, вытянув ноги, ни много ни мало, в настоящем солидном кожаном кресле. Учитывая не слишком большие размеры корабля, солидную команду и важность каждого килограмма груза, кресло это можно было считать роскошью или единственной прихотью Абделя. Я начал к нему приближаться. Двигался бесшумно.

— Не спится? – метра за три до кресла меня остановил насмешливый вопрос капитана.

— Мне казалось, я не издал ни одного звука?

— Так и есть, – капитан обернулся. – Только ко мне однажды уже так подкрались. Без звука. Это, – пальцем он указал на шрам, – память о том случае и укор моей беспечности. С тех пор подкрасться ко мне никому больше не удавалось.

Абдель с улыбкой наблюдал за моей растерянностью.

— Кроме того вы совсем не заметили Бахадура...

После этих слов сбоку от меня в свет вышел улыбающийся моряк-алжирец, которого я, действительно, не заметил.

— Ему нет равных в метании ножей, — капитан продолжал говорить ровным и спокойным голосом и, не меняя ни тона, ни громкости вдруг произнес. — Нога.

Сразу после этого я успел лишь боковым зрением заметить короткий и резкий взмах руки Бахадура, а в следующую секунду в миллиметрах от моей левой ноги в палубу воткнулся короткий нож. Обычная плоская стальная пластина без рукояти и намеков на какие-либо украшения. Из-за того, что все это произошло молниеносно, испугаться я не успел. Только чуть вздрогнул, когда услышал звук входящего в дерево палубы лезвия. И слегка прихренел от наплевательского отношения контрабандистов к собственному кораблю.

Я наклонился, вытащил нож. Еще раз осмотрел его, переворачивая в руке.

— Впечатляет! — признался я, протягивая нож Бахадуру.

Бахадур кивнул мне, благодаря за столь высокую оценку его искусства, потом вытянул обе руки ладонями вверх в моем направлении.

— Он благодарит вас за похвалу и просит принять этот нож в качестве подарка.

— Передайте ему, что для меня это честь...

— Нет нужды.

— ?

— Бахадур все понимает. Просто он не может говорить.

— Немой?

— Да.

— Сочувствую.

— И опять в том нет нужды.

— Но...

— Французы должны были его казнить. Но только успели отрезать ему язык. Поэтому и немой. А учитывая, что мог вообще погибнуть... Нет нужды. Впрочем, я иногда, признаться, славлю Аллаха. С языком Бахадур был невероятно болтлив.

Бахадур, услышав это, открыл рот в широкой улыбке и часто закивал, подтверждая слова капитана.

— И как же ему удалось избежать смерти?

— Я спас его. И получил в благодарность верного слугу, всегда прикрывающего меня. Что вы замерли? Подходите, присаживайтесь.

Я подошел. «Это он хорошо предложил мне присесть! Куда, спрашивается?» Капитан, видимо, понимал мое замешательство. Улыбался, наблюдая за мной. Я замер у бушприта. Только собрался на него взгромоздиться, как Бахадур принес раскладную табуретку. Поставил рядом с креслом. Я уселся, сразу оказавшись ниже Абделя. Его такая диспозиция устраивала, меня не оскорбляла.

— Не расскажете про тот единственный раз, когда к вам

смогли подкрасться?

— Любите занимательные истории? Или, как и Спенсер, пишите книгу? – усмехнулся капитан.

— Думаю, занимательные истории любят все. Нет, книгу не пишу. И не собираюсь. Пока, во всяком случае. Может, на старости лет...

— Если доживете.

— Если доживу! – с легкостью и с улыбкой согласился я с Абделем.

Абдель понравилась и эта легкость, и эта бесшабашная улыбка. Он одобрительно хмыкнул.

— Тут мало что занимательного. Случилось это в Варне, в 1829 году во время осады. Русские тогда в темноте подводили к бастиону мину. Я, не поверите, вышел до ветра, что еще более усугубляет глупость моего ранения. Из-за громкого журчания струи не слышал, как ко мне подкрался русский казак. Меня спас камешек...

— Какой камешек?!

— Тот, который попал под ногу русскому и на котором он оступился, заноса кинжал. Я успел обернуться. И вместо шеи нож располосовал мне все лицо...

Абдель замолчал.

— И что дальше? – мне уже было очень интересно.

— Я задушил его, – капитан ответил так обыденно, будто речь шла раскуривании трубки.

— А потом?

— А потом натянул штаны, – рассмеялся Абдель. – Во-
время.

— Почему?

— Раздался взрыв, меня завалило камнями. Не хотелось
бы отправляться на тот свет с голой задницей.

— Но вы не отправились.

— Нет. Повезло. Побило изрядно, конечно. Но остался
жив, а русские не заметили.

— Как же вы очутились в Варне?

— Глупость и жадность.

— Вечные спутники наших несчастий, – усмехнулся я.

Капитан рассмеялся.

— С таким подходом к жизни, может, и доживете до ста-
рости! – обнадежил он меня.

— И все-таки? Не хотите же вы сказать, что воевали про-
тив русских?

— Нет, конечно! – Абдель фыркнул. – Всего лишь, решил,
что каперство на Чёрном море во время войны станет вы-
годным делом. Я не военный, мне нет дела до междоусобиц
«великих» ... – тут он хмыкнул, – держав. Я честный пират.

— При всем уважении, капитан...

— Да, да, понимаю, – спокойный тон капитана не менял-
ся. – Конечно, с человеческой точки зрения – мразь и подо-
нок.

Я чуть не присвистнул.

— Честный, потому что... – Абдель подыскивал слова.

— Потому что ни разу не нарушили пиратский кодекс? — пришел ему на помощь.

— А разве есть такой? — Абдель усмехнулся.

Я пожал плечами.

— Знаете, Коста... Иногда мне кажется, что в нашем сумасшедшем мире, в наше сумасшедшее время, только родившийся ребенок может считаться нормальным человеком, а не мразью и подонком.

Я не знал, что ответить.

— Не знаю, был ли у меня выбор? Наверное, был. Но я следовал течению судьбы, не задавая вопросов, и не пытаюсь изменить её. Спенсер вам сказал, что отец у меня марокканец, а мать — испанка?

— Да.

— А по итогу я примкнул к алжирским пиратам. Они же столетиями наводили ужас на всем Средиземноморье. Папе нравилась их сила. И меня заставил ими восхищаться. настолько, что уже в пятнадцать лет я был принят в команду одного из кораблей, чьим капитаном был приятель отца.

— В пятнадцать?!

— Я с детства был на две головы выше сверстников и без труда укладывал на лопатки мужчин старше себя, — равнодушно констатировал Абдель. — А через шесть лет я уже был капитаном своего корабля. Вы знали, что наш основной доход был не от грабежа торговых судов?

— Сейчас догадываюсь.

— Конечно, мы грабили испанцев, голландцев и англичан. Прикрывались каперским патентом, выданным султаном. Но самое вкусное... мы совершали рейды в Европу, захватывали пленных, превращая их в рабов.

Я крепче сжал в руках подаренный мне Бахадуром нож, вспомнив про убитых родителей и сестру. Подумал, что может мне сейчас исправить оплошность русского солдата и покончить с этим грязным пиратом? Потом одумался. Не он виновник несчастий моей семьи. Да и не успел бы и взмахнуть рукой, как, я уверен, нож Бахадура, внимательно следившего за нашим разговором, воткнулся бы мне в глаз. Да и не эти соображения меня остановили прежде всего. Спокойный и откровенный рассказ Абделя напоминал исповедь. Почему я был выбран в качестве исповедника — не знаю. Но теперь было необходимо выслушать его до конца.

— Пиратом я был удачливым. Дело свое знал. Когда возвращались в Алжир, несчастных пленных выводили на Баде-стан, длинную улицу, закрытую с обоих концов, и раздевали догола, чтобы покупатели сделали свой выбор. Алжирский дей забирал пятую часть выручки. Арматору причиталась половина оставшейся прибыли, другая делилась на всю команду. Мне доставалось сорок процентов... Душа и совесть меня не терзали. А что им было делать, если сверху их придавило звонкой монетой?

— Так много было монет?

— Общая моя добыча к Варне была порядка 80-ти тысяч

франков, – опять равнодушно сообщил мне Абдель умопосрачительную сумму.

Я не предполагал, что речь могла идти о таких суммах.

— Впечатляет? – горько усмехнувшись, Абдель посмотрел на меня.

— Да. Что с глупостью и жадностью?

— Что обычно. Не удержался. Ожидал легкой наживы. Думал в Черном море во время войны корсару будет раздолье. А по итогу потерял корабль, команду и получил этот шрам. Заслужил. За все нужно платить. За глупость и жадность – особенно. Теперь мне не нужно об этом напоминать. Мне судьба поставила этот косой знак как вечное напоминание. Я его чувствую, когда трогаю лицо руками. Я его вижу, когда смотрюсь в зеркало.

— Что после?

— Вернулся в Алжир в следующем 1830 году. Думал набрать новую команду. Достать корабль. Продолжить пиратствовать.

— Что помешало?

— Французы.

— Как они вам могли помешать?

— Началось их вторжение.

Абдель замолчал. Тут я заметил, что он потерял свое привычное спокойствие и теперь борется, чтобы не выдать участившееся дыхание, крепко сжав губы.

— Не хотите портвейна, Коста? У меня настоящий, – взял

он передышку.

— С удовольствием.

Абдель бросил взгляд на Бахадур. Бахадур же бросил взгляд на меня.

— Не волнуйся, – усмехнувшись, успокоил капитан своего верного слугу. – Он меня не тронет. Во всяком случае, пока не выслушает до конца.

Я кивнул Бахадуру, подтверждая справедливость слов Абделя. Бахадур бесшумно исчез в тени.

— Не думаю, что вам знакомо обращение маршала Бурмона к населению Алжира.

— Нет, не знакомо.

— А я помню его наизусть, – Абдель выдохнул с шумом, прежде чем продолжить. – «Мы, французы и ваши друзья, сейчас направляемся в столицу страны – город Алжир. Мы клянемся в наших добрых намерениях, и если вы присоединитесь к нам и докажете, что способны обеспечить нам безопасность, то власть будет оставаться в ваших руках, как и раньше, и вы сохраните независимость своей страны». Как-то так...

Прочитывая, Абдель посмотрел на меня, ожидая реакции.

— Насколько я могу предположить, – я горько усмехнулся, – после такого заявления, обычно страну топят в крови.

Подошел Бахадур с подносом, на котором стояла бутылка портвейна и две уже наполненные кружки. Кружки передал

нам. С подносом и бутылкой отошел в привычную для себя тень. Я отпил глоток действительно настоящего портвейна.

— Когда столица капитулировала, начался грабеж, несмотря на данные обещания. Как в старину. Три дня на разграбление... Но они на этом не остановились. Разрушали мечети, разоряли кладбища. Они соревновались между собой, — Абдель к кружке не прикоснулся и сейчас смотрел вдаль, в морскую ночь. — Кто больше насобирает отрезанных ушей или конечностей. За это получали награду. Кровавые франки.

«Боже, боже, снова уши. Как с отцом и другими греками-мужчинами! Только теперь не турки, а «благородные» и «цивилизованные» ... Все они одним миром мазаны. И англичашки, и лягушатники, — я вскипал. — Наобещают с три короба, а потом либо бросят, либо перебыют. Каждую секунду орут про гуманность, обвиняют в варварстве других, а сами и есть худшие варвары. И все ради того, чтобы их «файф оф клок» и круассан оставались незыблемыми. А все вокруг только и квакают: вы не понимаете, это другое. И, ах, Париж! Ах, сильвупле и бонжур! Как же можно сравнивать предапарте и алжирскую феску?!»

— 26 ноября! Я запомнил этот день! Блида, маленький город у подножия Атласских гор. Там был мой дом. Моя семья. Никто не уцелел. Французы устроили невиданную резню мирного населения. Не жалели никого — ни стариков, ни старух, ни женщин, ни даже грудных детей. Французский

офицер Тролер превратил город в кладбище буквально за несколько часов. Улицы были устланы трупами, и некому было сосчитать, сколько тогда было убито людей.

Теперь я понял, почему он так назвал свою бригадину. Вечное напоминание. Чтобы не забыть и не простить.

Абдель сделал большой глоток, словно пытаясь избавиться от судороги в горле.

— Я сделал много злого. Мы, берберские пираты, натворили немало. Нас столетиями называли псами султана... И вот пришла расплата. Теперь наших жен и детей продавали на рынках, как стадо баранов, и отправляли в Полинезию на кораблях. Всех, кто отказывался ползать у ног французов, как собаки, без пощады убивали. Тех, кто пользовался авторитетом, судили. Так что, да, вы правы, Коста, они потопили страну в крови. И объясните, в чем разница? Между нами и этими напыщенными мерзавцами?! В том, что они — в треуголках и кепи, а мы — в тюрбанах и кушаках?! Мы, по крайней мере, не оставляли за собой мертвые города...

Абдель сделал еще глоток портвейна.

— Сочувствую. Это страшно.

— И в то же время, увы, — норма для этого мира.

— Как вы выжили?

— Не это важно.

— А что?

— Важно то, что я, пройдя через эти страдания, снова вернулся к прежнему ремеслу. Вот, плыву в Черкесию, что-

бы наполнить трюмы рабами...

— Вы считаете, что русские ведут себя на Кавказе так же, как и французы в Алжире?

Абдель неожиданно засмеялся.

— С французами никто не может сравниться в жестокости, Коста. Никто.

Я допил портвейн.

— Ну, что, занимательный получился рассказ? – грустно усмехнулся капитан.

— Поучительный.

Я встал, считая, что Абдель закончил свою исповедь.

— Спокойно ночи, капитан.

— Спасибо. Но у меня уже не бывает спокойных ночей.

Я кивнул. Пошел к себе.

— Коста! – окликнул меня капитан.

— Да.

— Когда я рассказывал про то, что мы захватывали пленных и продавали их в рабство, вы крепко схватились за нож, подаренный Бахадуром. Почему?

— Я лишился отца, матери и старшей сестры.

— Пираты?

— Нет.

— Поэтому раздумали?

— И поэтому тоже.

— Хотели выслушать до конца?

— Да.

— Что думаете?

— Не мне вас судить.

— Не вам.

— Почему вы мне все это рассказали?

— На вас есть какой-то странный отпечаток. С таким я прежде не сталкивался.

— Что за отпечаток? Смерти?

— Нет. Знание. Какое-то знание, недоступное мне. И никому недоступное.

Я ничего не ответил.

— Пора делать поворот на восток! – сказал Абдель, поднимаясь из кресла.

Глава 4. Урум, целовал ли ты грудь взрослой женщины?

Утром проснулся позже обычного. Когда вышел на палубу обнаружил и Спенсера, и капитана, стоявших на носу.

— Коста! – Спенсер обрадовался. – Смотрите!

Я посмотрел прямо по курсу. В сиреневой утренней дымке, словно мираж в пустыне, проступил отчетливо видимый снежный пик.

Понял причину такого восторга Эдмонда.

— Это же Эльбрус! – и сам был поражен.

— Да! – подтвердил Спенсер.

Я подошел. Кивнул капитану. Абдель кивнул в ответ.

— Коста, вы видите два пика? – спросил Спенсер, когда мы приблизились к берегу и вершина Эльбруса изменила свои очертания. – Есть легенда, что между ними прошел Ноев ковчег на своем пути к Арарату.

— Легенды – легендами, а что вы скажете на это? – я обратился к Спенсеру и капитану, указывая в море и стирая с лица англичанина радостную улыбку.

По правому борту на приличном пока расстоянии от нас показались белые паруса.

— Русские, – презрительно фыркнул капитан.

Его самоуверенность бесила. Зная, что под палубой в ряд

уложены бочки с порохом, следовало бы проявить больше уважения к возможной погоне. Мы переглянулись с Эдмондом. Похоже, нам пришли в голову одинаковые мысли.

— Вы напрасно беспокоитесь. Моя команда умеет работать с парусами так, как русским и не снилось. Если есть ветер и пространство для маневра, бригантина легко уйдет от любой погони.

Он разгуливал по шканцам, весело насвистывая. Даже не раздавал команды. Моряки делали свое дело без окриков и напоминаний. Стоило признать, что они и вправду были хороши! И никакого панибратства с капитаном. Субординация поддерживалась строго. Видимо, с ножами Бахадура французы были хорошо знакомы.

— Настало время кассуле! – радостно воскликнул капитан, не обращая внимания на русский крейсер, устремившийся за нами.

— Но, капитан... – Спенсер попытался было образумить Абделя, призывая его непосредственно руководить уходом от погони.

Я с ним был солидарен. Из моей памяти еще не стерся рассказ Путятинна о гонке «Ифигении» с английским фрегатом в Пирее.

— Нет нужды! – сказал, как отрезал, капитан. – Команда легко справится с русским корытом!

Делать нечего. Мы спустились в кают-компанию.

Стол был уставлен закусками и вином. Кок внес широкий

глиняный горшок с дымящейся запеканкой из солонины и бобов, густо присыпанной сухарными крошками. Разложил по тарелкам. Приступили к еде.

Съев первую ложку, мы со Спенсером не сговариваясь, посмотрели сначала друг на друга, потом на капитана. Абдель улыбнулся, понимая, что мы оба в восторге.

— Признаюсь, капитан. — Спенсер чуть наклонил голову. — Кассуле великолепен. Настолько, что я вынужден еще признать, что прежде не ел подобного. Еще более удивительно, что я пробую его не в каком-либо знаменитом и изысканном ресторане, а в кают-компании бригантины посреди Черного моря.

Абдель кивнул, принимая похвалу Спенсера.

— Мой повар — из Тулузы, где знают толк в этом блюде! А как тебе, Коста? — спросил меня.

— Мне добавить нечего! Разве что попросить добавки!

Абделю понравилось. Засмеялся. Я был вынужден перевести недоумевающему Спенсеру наш небольшой диалог. Спенсер тоже оценил мою шутку. И тут же не удержался.

— Прошу прощения, капитан. Может это и бестактность с моей стороны: но как уживается солонина и ваша вера?

Абдель даже ухом не повел.

— В походе мусульманину можно забыть о запретах. А поскольку я вечно в походе — будем считать, что слово «харам» на моей палубе — табу! — легко отшил Спенсера.

— А как же французы на корабле? — вырвалось у меня.

Абдель усмехнулся.

— Во-первых, они все – дезертиры, Коста. И ни в чем таком, о чем мы говорили ночью, замешаны не были. Во-вторых, мне нравится, как они выполняют все мои приказы. Так что и здесь я никаких неписанных законов не нарушил. А еще они – отличные моряки!

Я кивнул. Спенсер требовательно посмотрел на меня, ожидая перевода. Не пришлось. Отвлек помощник Абделя. Подошел к нему, что-то шепнул на ухо. Абдель в ответ только кивнул. Помощник вышел.

— Что? Что? – забеспокоился Спенсер. – Они нагоняют нас?!

— Это невозможно, я же говорил. Успокойтесь. Просто нам придется чуть уклониться от курса. Продолжим обед. Нас ожидает еще десерт. Что скажете, мистер, насчет сливового пудинга?

— Как может сопротивляться англичанин, услышав про пудинг? Сдаюсь на милость победителя!

— Ну, видите! А вы все: погоня, погоня...

... Как бы ни бахвалился капитан, но погоня заставила его не «чуть», а сильно уклониться от курса. Корабль сместился к юго-востоку от точки назначения, к берегам Мингрелии. Спенсер ощутимо волновался. Абдель же по-прежнему был уверен в себе. Настолько, что предложил Спенсеру забиться, правда, на смехотворную сумму, что к утру бригантина бросит якорь в бухте Пшады. Прижимистый Спенсер отклонил

пари, прикрывшись своей уверенностью в мастерстве капитана.

Наступившая ночь принесла сильный бриз, и Абдель направил свою «Блиду» в сторону преследователей, опять напугав Спенсера. Честно говоря, и я испытал легкую дрожь.

— Отставить волнения и тревоги! – Абдель сохранял спокойствие даже в столь опасных обстоятельствах. – При таком сильном ветре русские вскоре встанут на якорь!

И опять бравый капитан оказался прав. Русские, действительно, не смогли совладать с таким ветром. Бросили якорь. Абдель даже позволил себе пройти мимо застывшего крейсера на издевательски небольшом расстоянии – на предельной дистанции пушечного выстрела. Вся его команда при этом свистела и улюлюкала, а некоторые не отказали себе в удовольствии продемонстрировать оскорбительные жесты. Правда, я не уверен, что при таком ветре русские что-либо могли слышать, а в такой темноте – увидеть.

— Бриг «Аякс», не самая быстрая посудина, – самодовольно подвел итог своего маневра Абдель.

Команда «Блиды» была в полном восторге. В таком же восторге пребывал и Спенсер. И спасся, и получил удовлетворение от того, что москвитам утерли нос. Пусть даже в таком безобидном варианте. Я, конечно, также изобразил радость и восторг. Некоторое время, правда, тешил себя мыслью, что крейсер осуществил операцию прикрытия, просто изобразив погоню. Потом одернул себя.

«Ну, конечно, Коста! Все ради тебя! Прямо, позвонили по мобильному капитану крейсера, сказали, что на «Блиде» самый ценный агент Российской империи! И пальцем так погрозили: мол, чтобы комар носу не подточил! И сейчас капитан крейсера крестится и, роняя скупую слезу, желает мне удачи! Ах, тщеславие, тщеславие!»

От этих мыслей быстро отделался еще и потому, что в очередной раз, примерившись к курсу бригантины, испугался, что направляемся в сторону Потти. А вот это меня совсем не устраивало! Тут же отбросил шуточки про мобильный. Впопых было самому начать креститься!

К моему облегчению, к Потти мы так и не приблизились. Разворот произошел в районе Редут-Кале. И капитан не соврал: мы более не встретили кораблей русской эскадры, пока неслись к точке назначения на всех парусах вдоль берегов Западного Кавказа. Утром корабль уже качался на волнах перед входом в бухту Пшады.

Спенсер был счастлив. Уже не знаю, чему он больше радовался: тому, что сэкономил несколько монет, отказавшись от пари, или тому, что мы благополучно добрались до Черкесии, во внутренние районы которой он так стремился.

Парусная бригантина – не «Петр Великий». Капитан не решился при сильном ветре от берега заводить тяжелогруженное судно в недостаточно широкий проход между скал. Вместо этого, члены команды несколько раз выстрелили из мушкетов в воздух, подавая сигнал. Мигом на опушку при-

мыкавшего к бухте леса высыпала огромная толпа.

Из скрытой за деревьями реки вылетели узкие длинные плоскодонные лодки с 18-24 гребцами. Носы этих суденышек украшали грубо вырезанные фигурки животных. На корме была устроена небольшая палуба. Рулевой уверенно управлял лодкой, в то время как гребцы налегали на весла и выкрикивали «а-ри-ра-ри!»

Лодки пристали к борту бригантины. Началась погрузка. Не дожидаясь, пока бочки с порохом покинут корабль, мы уселись в одну из лодок вместе с турецкими купцами. В мгновении ока нас доставили на берег.

Купцов ждали. Под деревянным навесом на берегу реки сидели пятеро черкесов и одна молодая женщина, закутанная в покрывало. Ее привезли на продажу.

Турки чуть поспорили. Потом бросили жребий, кому из них достанется приз. Наконец, один из них победил и направился в сторону черкесов. Он встал неподалеку от них и приготовился ждать посредника. Таковым стал прибежавший по знаку горцев раб. Он стал метаться между продавцами и покупателем. Видимо, шел яростный торг.

Наконец, цена была согласована. Мы увидели, как турок передал двенадцать золотых дукатов горцу. Тот указал ему на женщину. Она зарыдала. Бросилась на землю, как бешеная, и стала что-то гневно кричать. Сцена выглядела отвратительной.

Турок накинул на женщину покрывало, взял ее за руку и

отвел к месту, где сидели его коллеги.

— Марушка! Что с нее взять? — пояснил нам купец, заметив наши недовольные лица. — Думаю, под сотню золотых за нее выручу в столице!

Женщина уже успокоилась. Усевшись прямо на землю, она достала зеркальце и начала прихорашиваться и драпироваться в новое покрывало, изобретая замысловатые складки. Переход от истерики к обычным бабским заботам был настолько резким, что нам оставалось лишь покачать головой и идти встречать капитана.

Судно уже завели в устье реки и начали маскировать срезанными ветками. Всем занимались черкесы. Абдель стоял на берегу возле груды наших вещей и торговал для нас лошадей.

— Мистер Спенсер! Они просят по четыре фунта за лошадь, — крикнул он, подзывая нас к себе.

Великолепные черные скакуны поражали своей грациозностью.

— В Лондоне я бы отдал за каждую не меньше ста фунтов, — шепнул мне восхищенный Эдмонд.

Ко мне подошел черкес из той группы, что продала женщину. Уставился на меня с грозным выражением на лице, заросшем до глаз бородой. Что-то спросил, словно выдавливая из себя гортанные звуки.

— Он спрашивает, целовал ли ты грудь взрослой женщины? — перевел мне капитан.

Я ответил черкесу возмущенным взглядом и устроил с ним игру в гляделки. Рука сама собой опустилась на рукоять кинжала.

— Эй, эй! Ты неправильно все понял, – поспешил с объяснениями капитан. – Он видит в тебе чужестранца и предполагает, что ты освобожденный раб. Когда черкесы дарят человеку свободу и принимают его в свою общину, он должен символически прикоснуться губами к груди взрослой женщины в присутствии старейшин и воинов. Если, конечно, она согласится.

— Такой обычай практиковали некоторые военные общества древних греков! – воскликнул довольный Спенсер.

Его явно забавляло происходящее.

— Урум? – спросил черкес.

Мой мозг взорвался! Он назвал меня греком, причем использовал самоназвание нашего народа, которое принесли мои предки из Анатолии, когда бежали в Россию. Выходит, и здесь знают и применяют это понятие.

Спенсер-всезнайка тут же все объяснил:

— Урум или уром – это искаженное «ромей». Так называли себя византийцы, намекая, что они римляне или, по крайней мере, наследники великой Римской Империи.

Я кивнул черкесу. Он снова что-то спросил.

— Он спрашивает, кормил ли ты свою плоть железом? – перевел мне Абдель.

Я расстегнул черкеску и ворот рубахи. Показало ему свой

шрам. Он разразился длинной речью, в конце которой протянул мне небольшой пистолет. Я взял, но рассматривать не стал. Просто сунул за пояс.

— Юсуф Таузо—ок из племени Вайа приносит тебе свои извинения. Он дарит тебе подарок и спрашивает, нет ли между вами теперь вражды? — помог мне Абдель. — Отдаться не нужно. Этим ты его оскорбишь.

Я думал иначе.

— Спроси его, есть ли у него сын?

Капитан с неохотой перевел мой вопрос. Черкес кивнул и что-то ответил.

— Говорит, что есть. Пяти лет.

Я покопался в карманах и вытащил самую большую табакерку из фальшивого серебра, но с изящным рисунком на крышке. Мы много таких взяли на подарки.

— Скажи Юсуфу, что у меня есть племянник, которому столько же, сколько его сыну. Я скучаю по нему. Пусть он отдаст эту шкатулочку своему сыну. Я буду думать, что подарил ее своему племяннику Яни.

Абдель удивился, но спорить не стал. Перевел мою речь. Юсуф с поклоном забрал из моих рук табакерку и сказал на дурном турецком:

— Умный урум. Теперь иметь друг на реке Абин.

Черкес развернулся и ушел. Я достал пистолет, чтобы разобраться, что мне досталось.

— Кавказская работа, сразу по замку понятно, — проком-

ментировал Абдель. — Видишь: вместо спускового крючка — шарик-«пуговка», и ствол крепится тремя кольцами.

У пистолета были те же размеры, что и у моих револьверов. Но весил он в два раза меньше, хотя конец обтянутой кожей рукоятки украшал костяное «яблоко» с кольцом. Капитан показал на него:

— Цепляй пистоль за кольцо шнурком к поясу. А нам пора выдвигаться. Нас ждет местный правитель.

До дома пшадского пши-хана, узденя Измаила Атажукина, нам предстояло пересечь две долины, проехав примерно двадцать километров. Всю дорогу нас развлекал Абдель. Его никто не пытался остановить. Наоборот, черкесы относились к нему с уважением. Он заслужил свою репутацию, как надежный поставщик пороха и соли.

Ткнув пальцем в какие-то обгорелые развалины, капитан рассмеялся:

— Всегда во всем виноваты женщины. Русские лет двадцать назад пытались здесь основать торговую факторию. Один из торговцев похитил черкешенку. В результате, здесь все сожгли.

— Наверное, эта Елена Черкесская была очень красива? — сумничал Эдмонд.

— О, да! Если говорить о красоте применительно к черкесам, то всегда упоминаешь две вещи — женщину и лошадь.

— Вы неплохо говорите на их языке, — похвалил я капитана.

— Рассказывают такой анекдот. Как-то раз один султан послал сюда ученого, чтобы тот изучил местные языки. Когда уже пропала надежда на его возвращение, ученый все же вернулся и принес с собой сумку с камнями-голышами. Он тряс ими, объясняя, что это лучшая имитация звуков, которые издают горцы. Ха! Ему нужно было изобразить крик шакала! Именно так звучит боевой клич черкесов. От него кровь стынет в жилах.

Подражание шакалам нам пока не продемонстрировали. Зато кавалерийское искусство мы наблюдали во всех подробностях. По мере продвижения к дому пши-хана все больше и больше черкесов присоединялись к нашей кавалькаде, распевая военные песни. Скоро их собралось несколько сотен. Они не только пели, но и размахивали короткими мушкетами и что-то радостно выкрикивали. Обстановка, казалось, накалялась. Но Спенсер не проявлял беспокойства.

— Самый хорошо тренированный кавалер Европы не может сидеть на своей лошади с большей легкостью и грацией, чем эти свободные горцы, — отметил Эдмонд, что-то записывая в своем блокноте.

— Вы бы, мистер, поменьше марали бумагу на глазах у горцев, — предупредил его Абдель. — Местные этого не любят. Они крайне подозрительны и в каждом видят шпиона.

Я, наверное, тоже выглядел сомнительным типом, потому что крутил все время головой. Я разглядывал маленькие хижины, укрытые в лесах, ухоженные поля и множество заго-

нов со скотом. Кто за всем этим ухаживает, когда увешанные оружием владельцы вместо работы в садах просто едут с нами из праздного любопытства? Занятыми делами были лишь женщины и дети или мужчины – рабы, судя по их бедной одежде.

Атажукин принял нас на дворе своего поместья, состоявшего из группы домиков-хижин, разделенных изгородями и загонами для скота. Нас проводили в отдельно стоящее строение, в кунацкую, где один из людей узденя помог нам освободиться от оружия. Его развесили на стенах рядом с впечатляющим набором из двух кольчуг, мушкетов, пистолетов, сабель, кинжалов, луков и стрел. Нам оставили лишь кинжалы, которые считались элементом костюма.

Вошли две рабыни. Они помогли нам снять сапоги и вымыли нам ноги в тазах. Потом стали сервировать стол на маленьких круглых столиках.

Как пояснил капитан, блюд должно быть не менее 12-15. Нам подали плов из гречки, обильно приправленные специями кушанья из домашней птицы и баранины и заправленное медом кислое молоко шхэу. Хозяин явно не бедствовал.

Спенсер обратил внимание на деревянные таблички со словами Корана, висевшие на стенах. Он подарил хозяину один из фирманов султана. Уздень был растроган. Он прижал бумагу ко лбу, поцеловал ее и отложил в сторону. Пытаться прочесть, что там написано, он не пытался. Он и по-турецки с трудом говорил. Ему было достаточно самого фак-

та владения документом, к которому прикасалась рука духовного владыки мусульманского мира.

Впрочем, в вопросах веры он явно не был сторонником строгих канонов. Женщины его дома спокойно разгуливали по двору с открытыми лицами. После обеда они без стеснения общались с нами во дворе и приняли от Эдмонда подарки. У черкесов, в принципе, отношение к женщинам сильно отличалось от принятого у мусульман.

Пришло время прощаться с капитаном и двигаться дальше – в лагерь князя-поручителя. Я впервые услышал его имя – Хаджуко Мансур.

— Очень большой человек! Главный вождь нутухайцев! И шапсуги его уважают и признают его силу! Хороший кунак. Под защитой его слова у вас не будет проблем на нашей стороне Кубани! – уверил нас хозяин.

Он даже выделил нам серьезный эскорт в знак уважения к гостям такого вождя. Люди Атажукина должны были проводить нас до следующего аула на нашем пути. Как и с кем мы поедем дальше, решат его старейшины.

К вечеру мы добрались до этого аула в горах – куда более бедного, с окнами в домах, прикрытых лишь ставнями, и окруженного рвом. Нас снова устроили в кунацкую. В гостевом доме на диванах, заваленных подушками, мы устроились на ночлег. Все разговоры отложили на утро.

Первая ночь на черкесской земле прошла беспокойно. Всю ночь тысячи лягушек из болот в нижних долинах и

мириады насекомых давали свой дьявольский концерт. Его кульминацией стал вой стаи шакалов, подобравшихся к окраине аула.

Проснулся, в итоге, поздно – не отдохнувший от утомительной поездки и не выспавшийся. Потягиваясь, вышел во двор. Увиденное меня напрягло.

Бледный Спенсер стоял в окружении черкесов, которые на него кричали. Двое держали его за руки. У ног англичанина валялись в грязи его бумаги и карандаши. Старик, с бородой до пояса, тот самый старейшина, который встретил нас вечером и дал команду разместить, радушия и гостеприимства теперь не проявлял. Наоборот, он был очень зол и сейчас явно угрожал моему спутнику.

Глава 5. Богиня Кавказа и княжич Бейзруко.

После долгих криков привели раба-грека, который смог мне перевести, о чем шел разговор на повышенных тонах. Проблему создал Эдмонд. Он с утра пораньше задавал вопросы армянскому купцу, гостю аула. Стал записывать свои впечатления в дневник и даже делать зарисовки. Горцы сочли его лазутчиком русских и теперь не желали слушать никаких оправданий.

Все мои попытки донести правду до разгоряченных шапсугов разбивались об их недоверчивость. Как объяснил мне грек, они, ведя постоянную партизанскую войну с русскими, всех подозревали в предательстве и имели, к сожалению, многие тому доказательства.

Любой перебежчик из русского лагеря мог оказаться шпионом. Особенно этим грешили поляки. На Кавказе среди солдат было множество сосланных после несчастного восстания 1831 года. Многие из них пытались затеряться среди черкесов, наивно рассчитывая через них добраться до Константинополя, а оттуда – в Европу. Судьба их оказывалась печальной. Их сразу превращали в рабов. Но были и те, кто лишь притворялись дезертирами и при первом удобном случае возвращались в русскую крепость за наградой.

— Кого подозревают, с тем не церемонятся. Своих могут сразу пристрелить, что уж говорить о пришельцах? — объяснил мне грек нашу судьбу. — Быстро найдите решение, иначе будет плохо.

Спенсер безуспешно доказывал, что он генуэзский врач. Черкесы про таких и не слышали. Привели других рабов — поляка, армянина и русского. Они посмотрели бумаги Спенсера и сказали, что язык им не знаком и что такого любопытного человека видят впервые.

— Наверное, он с другого конца земли, — глубокомысленно предположил армянский купец, с которого все закрутилось.

— Хаджуко Мансур, Сефер-бей, Джамбулат Болотоко! — стал выкрикивать я все известные мне имена вождей.

— Мы знаем, что твой спутник — гость отважного Мансура. Откуда знаешь Сефер-бея? — спросил Эдмонда недоверчивый старейшина, подав знак, чтобы я отошел.

Спенсер стал отвечать по-гречески, раб переводил. Потом опросили меня. Видимо, наши показания совпали, и уровень подозрительности снизился.

Старейшины уселись на веранде одного из домов, чтобы обсудить нашу судьбу. Мы ждали их приговора. Я лишь попросил Спенсера не вертеть пока головой и помалкивать.

— Поскольку мы не уверены в вас, в лагерь Мансура проводим тайными путями. Чтобы вы не разведали удобную дорогу к нашему аулу! — таковым было их решение.

Выехали тотчас же.

Ну, как выехали? Большую часть пути пришлось пробираться по горам, ведя лошадей в поводу. Тяжелые переправы через стремительные ручьи, борьба с топкими берегами болота и, наконец, марш-бросок через лесную чащу — все это вымотало настолько, что уснули мертвым сном, завернувшись в свои красные накидки, как только устроили в темноте лагерь и наскоро перекусили.

Наутро выяснилось, что мы ночевали на опушке леса на виду Абинской крепости.

— Это была проверка, Коста! — уверенно сказал Спенсер. — Будь мы лазутчиками, непременно попробовали бы сбегать к русским.

И, правда, сопровождавшие нас черкесы смотрели на нас уже с любопытством и даже хвалились дорогим оружием, отделанным драгоценными камнями, и богатыми попонами своих лошадей. Живя в ауле, где в саклях гулял ветер, они видели главную ценность в луках со стрелами в роскошных сафьяновых колчанах, начищенных доспехах и дрессированных конях. По-моему, их забавляло количество нашего небоевого снаряжения на вьючных лошадях.

Крепость лежала перед нами как на ладони. С горы, где мы притаились, можно было в подробностях все рассмотреть. Лес был сведен на полтора километра вокруг укреплений. Вытянутый шестиугольник с полукруглыми турбастионами щетинился пушечными стволами. По верху земля-

ной насыпи шла терновая изгородь, по низу – широкий ров. Стенки бруствера были укреплены плетнем от разрушения, бастионы – турами из тростника и земли. Одна стена крепости примыкала вплотную к реке: в воде гарнизон не должен был испытывать недостатка.

Отсюда, из леса, перед расчищенным пространством вокруг крепости, она не смотрелась убогим «глиняным горшком». Черкесам в кольчугах и с луками в руках требовалось преодолеть открытое пространство под градом картечных пуль, чтобы добраться до стен. Какое-то сопряжение двух времен – эпохи крестоносцев, где черкесы чувствовали бы себя, как рыба в воде, и мира пароходов и мощных орудий, способных дострелить до опушки леса.

Я оглянулся на соседа-черкеса. Он словно прочел мои мысли.

— Бум! – сказал он, широко улыбнувшись, и провел пальцем по шее.

Эта Абинская крепость занимала крайне важную стратегическую точку в удобном горном проходе, соединявшем земли закубанских и причерноморских черкесов. Не то, что бы она сильно мешала передвижению горцев – мы, например, без проблем, ее обогнули – но крупные массы войск с обозами она точно задержала бы. Фактически получалась прямая линия: Геленджик – Абинская крепость – Екатеринбург. На это обратил мое внимание Спенсер.

— Также замечу, мой друг, что крепость эта отрезана от

других. Никто не придёт к ней на помощь в случае большого нападения. И подвоз подкреплений и припасов является, вероятно, задачей большой военной экспедиции...

— Я не знаток военного дела. Другое меня волнует. Не сработала ваша со Стюартом легенда, Эдмонд, — перевел я разговор на другую тему.

— Да, тут возразить нечего, — грустно признался англичанин. — Как быстро время стирает следы прошлого. Подумать только: для горцев Генуя — такая же терра инкогнита, как для нас, европейцев, в свое время была Америка. Но я не отчаиваюсь. Вот увидишь, мои навыки хаккима нам еще пригодятся.

Услышав знакомое слово, черкесы радостно залопотали, что-то выпрашивая. Мы только разводили руками. Я дал себе зарок, что непременно попытаюсь освоить хоть один горский диалект.

К обеду добрались до лагеря князя-поручителя. Здесь наше положение совершенно переменилось.

Хаджуко Мансура в лагере не было. Всем распоряжался молодой черкес, брат жены хозяина. Бейзруко из рода темиргоевского князя Джамбулата Болотоко. Княжич оказывал нам знаки внимания, как дорогим гостям, и тут же приказал привести раба, знавшего европейские языки.

Звали его Натан Шрегер. Он оказался голландцем, ювелиром из баптистской миссии, захваченным в одной казачьей станице несколько лет назад. За его мастерство натухайцы

решили оставить его у себя. Положение раба в этом суровом краю делало его несчастным до крайности. Не успев с нами познакомиться, он стал слезно умолять вернуть его в Европу.

Заполучив переводчика, юный князь повел нас в главный дом знакомиться с сестрой и прочими дамами. Черкесская княжна оказалась женщиной редкой красоты с утонченными манерами.

— Какие у нее правильные греческие черты лица, — восхищался Спенсер. — Какой элегантный наряд, не уступающий парижским модным домам.

Черкешенка была одета в голубые шелка, скрепленные серебряными застежками и поясом, отделанным серебром, в разноцветные шаровары из турецкой кисеи. На голове — легкое покрывало, частично скрученное в тюрбан, частично — ниспадавшее длинными фалдами до плеч, прикрывая распущенные волосы. Тончайшая вуаль была накинута на платье, украшенное множеством золотых безделушек древней, как заметил Спенсер, венецианской работы.

Она гостеприимно пригласила нас остановиться в гостевом доме и пообещала немедленно прислать служанок. Сама же отправилась распорядиться насчет обеда.

В кунацкую нас провожал молодой князь — такой же красавец, как и его сестра. Гибкости его фигуры в красной черкеске могли бы позавидовать поклонницы Джейн Фонды. Он был чрезвычайно любопытен и засыпал нас вопросами, перескакивая с темы на тему. То интересовался, с какими бо-

лезнями Спенсер наиболее искусно справляется, то расспрашивал меня о жизни в Стамбуле, куда он желал непременно попасть. Он слышал про Сефер-бея и гордился им, как мужественным защитником интересов черкесов у трона султана. Как ни странно, его не смущало, что Заноко, в первую очередь, печется о возвращении своих владений в Анапе.

— Он ведет себя как настоящий князь, — так нам перевел Натан его ответ.

Когда мы восхищались очарованием хозяйки дома, мы не понимали, что такое настоящая красота! Стоило войти в кунацкую служанке, мы дружно замолчали. Спенсер даже сглотнул.

Она была наделена той красотой, которая признается абсолютно всеми и в любое время человеческой истории. Это была красота вне времени и вне географического пространства. Такую женщину боготворили бы и в Древнем Риме, и в XXI веке, откуда меня забросило. Человечество за свою историю прошло много этапов, в которых тот или иной типаж, часто неожиданно, признавался эталоном. Мир, кроме того, разделен на континенты. И женщина, считающаяся привлекательной, например, для европейца, могла вызвать усмешку у африканца. И, наоборот. Но служанка, которая сейчас двигалась между нами, невольно замершими и даже задержавшими дыхание, была бы признана красивой на любом материке. И если бы она жила в эпоху Рубенса с её пышнотелыми традициями и повальным увлечением мужчин впе-

чатляющими формами, она бы все равно была возведена на пьедестал. И если бы она попала в Африку, где красивыми среди некоторых племен считаются, например, женщины с длинными шеями или с нижней губой, наподобие чайного блюдца, она бы и тут вызвала восторг. И даже если бы она стояла рядом с Мэрилин Монро в тот момент, когда несравненная блондинка позволяет порыву воздуха фривольно приподнять ей платье, черкешенка переключила бы внимание на себя.

Служанку без какой-либо натяжки можно было назвать Богиней гор. Все в ней было прекрасно – и глаза, и лицо, и пропорции тела, и грация, и манера двигаться, лишенная намека на наивное кокетство, которым грешили местные девушки. Любой эпитет, каким бы чрезмерным он не казался, ей подходил сполна.

Она прекрасно осознавала свою божественность: постоянный восторг, восхищение, замирание, сопровождающее каждое её появление среди мужчин. А в ответ превращалась в изваяние из мрамора. В Снежную королеву.

И в этом, как ни странно, лично я видел единственный ее изъян. Будто она потеряла немаловажную составляющую безупречной красавицы – обаяние мягкости, трепетной нежности, теплоты.

Возможно, я был не прав. Может сейчас она выйдет из комнаты, окажется в кругу подружек, сбросит это надменную и ледяную маску, засмеётся радостная от того, что опять

взрослые мужчины при виде её затаили дыхание, замерли с отвисшими челюстями. «Вы видели? Видели?» – будет она повторять, смеясь. А потом спародирует кого-то из нас, чем вызовет смех подружек. И сама, чуть подержав это выражение лица с раскрытым ртом и глазами навывкате, сбросит его и опять засмеётся долгим и чистым смехом. Может быть. И было бы лучше, чтобы так и было. Чтобы она при всей своей неповторимой красоте, оказалась еще и живой, обаятельной девушкой.

«Зато, теперь я окончательно понял Торнау, – подумал я, не сводя глаз с черкешенки. – Его восторги. И, все равно: предложи мне сейчас выбор между нею и Маликой, я бы не раздумывая выбрал свою Царицу!»

Служанка, наконец, вышла из комнаты. Наваждение, охватившее нас, растаяло. Все разом выдохнули. Мы переглянулись со Спенсером. Будто сказали друг другу: «Ты это видел? Видел?!»

... Бейзруко предложил нам пару дней отдохнуть, а потом выдвинуться в военный лагерь. Там в данную минуту находился Хаджуко Мансур и планировался военный совет князей черкесской конфедерации. Ожидались выборы военного вождя и определение ближайшей стратегии войны с русскими. Союз черкесских племён был добровольным. Каждый вождь был волен сам решать, как участвовать в борьбе. Лишь после клятвы, данной сообща, можно было говорить о совместном действии. Так, вожди поклялись несколько лет

назад, что не сложат оружия, пока не изгонят русских со своей территории.

Спенсер потратил дни отдыха на этнографические изыскания. Следовало признать: его дух первооткрывателя и ученого был не слабее азарта разведчика. Он расспрашивал всех подряд обо всем, что попадалось на глаза. Натан всюду его сопровождал. Он был явно не в восторге от энтузиазма своего потенциального спасителя.

Я же сдружился с Бейзруко. Мы учили друг друга языкам: он меня – адыгейскому, я его – турецкому. Молодой князь планировал через несколько недель сушей отправиться в Стамбул через границу в Грузии. Чем его не устраивал морской путь, я не понимал.

Еще я выпросил у темиргоевца несколько уроков владения саблей и кинжалом. Он не отказал. Но посмеивался над моими потугами. Требовались годы, чтобы овладеть искусством боя на саблях. С кинжалом было все попроще, не считая навыка его метания.

— В конном бою бывает так – объяснял мне Бейзруко с помощью своего слуги, немного знавшего турецкий. – Сопустишь с лошади перед врагом. Бросишь в его коня кинжал. Вскакиваешь на своего – и враг твой. Руби – не хочу!

В искусстве джигитовки он, как и большинство черкесов, живших в долинах, не знал себе равных. К коню они привыкали с младенчества. Уклонения на полном скаку, перевороты, подъем в седле, соскок или прыжок на лошадь врага из

засады и прочие приемы – всем этим князь уже овладел в совершенстве, несмотря на молодые годы.

Особенно меня поразили навык перезарядки короткого мушкета на полном скаку. На этом была построена своеобразная тактика боя.

— Подлетаешь к колонне солдат или к казакам и стреляешь. Далее или за шашку берешься, или разворачиваешь лошадь и перезаряжаешь. – рассказывал он, как о чем-то обыденном.

Орудовать шомполом, когда твой конь летит по полю боя, перепрыгивая через камни и трупы?! Сыпануть на ходу приготовленную порцию пороха из газыря на запальную полку... Вытащить из пенала на груди патрон... Лихие ребята и грозная кавалерия!

— С нами только казаки могут справиться, – хвалился князь, – да и то, если превосходят числом!

Он охотно рассказывал о черкесской породе лошадей – высоких и очень выносливых – и об их боевой подготовке. Сам он ездил на горячем жеребце Черноглазе, которого тренировал еще с того времени, когда он был жеребенком. Большинство же воинов предпочитали меринов.

Муштровали их нещадно, превращая и без того выносливую лошадь в верного помощника воина. Практически в боевого товарища. Держали в темных конюшнях, чтобы привыкали к темноте. Стреляли над головой, чтобы приучить к звукам выстрелов. Учили плавать и прыгать в воду с крутых

обрывов. Держали в табунах, чтобы учились добывать себе пищу. Даже приучали бить противника задними копытами или, вставая на дыбы, биться с конем врага.

— Мой Черноглаз и не такое умеет! – хвалился Бейзруко. – Научил его на скакивать сзади и, обхватывая передними ногами седока, скидывать его на землю!

Другой бы на его месте поклялся, но только не молодой князь. Я заметил, что он никогда не клялся именем Аллаха, Христа или другого Бога. И его не смущало применение сала для смазывания пули. Я не был даже уверен, что закубанские племена исповедовали ислам. На мои вопросы на эту тему, Бейзруко отвечал уклончиво и неохотно. Что-то упомянул про священную рощу. Неужели они язычники, молящиеся деревьям? Хотя вполне возможно. Живут же они именно в лесах, пряча там свои дома!

Наша зарождавшаяся дружба чуть не закончилась, когда я показал свои револьверы. Князь влюбился в них с первого взгляда. Понятно, что для всадника они были невероятно удобны. Тем более, пара. Хотя с двух рук не постреляешь из-за ручного проворота барабана.

— Проси за них, что хочешь! Только не моего Черноглаза! – горячился князь. – Десять лучших лошадей из табуна дяди тебе отдам! Сам понимаешь, княжеский табун! В нем самые лучшие кони!

— Да на что мне конь, тем более, десять? Я и на своем держусь кое-как.

— Продашь! Или обменяешь. Вы, греки, золото любите.

— Значит, я неправильный грек, — усмехнулся я, невольно дотронувшись рукой до тайного пояса на животе. Там были защиты золотые монеты, которые мне вручил в Одессе Проскурин.

— А хочешь, я выпрошу тебе служанку сестры? Я видел, как ты на нее смотрел.

— Князь, женщин на револьверы менять — это как-то не по-рыцарски.

Бейзруко понурил голову. У черкесов был свой кодекс чести по отношению к женщинам. Правда, мне никак не удалось совместить его с работорговлей. Единственное, что я понял: из своих семей девушек ни за что не продавали. Даже в самом отчаянном положении. Но ведь брались же откуда-то красавицы-черкешенки на стамбульском рынке?

— Чем же тебе отплатить?

— Никак не могу, князь! Это подарок за пролитую кровь!

— Достойный подарок! Наверное, заслуженный?

Я рассказал, как закрыл своей грудью Спенсера.

— Хорошо иметь друга, который прикроет! Вы — настоящие кунаки!

Он расстроено махнул рукой и убежал в покои сестры. Я надеялся, что женщинам удастся его успокоить. Но вышло по-иному.

Бейзруко отвлекло от мыслей о револьверах соревнование, на которое вызвали Спенсера. Эдмонд похвалился пе-

ред черкесами своей брунсвикской винтовкой. Сбежались все свободные воины. Штуцер переходил из рук в руки, но особого восторга не вызвал.

— С лошади из него неудобно стрелять, потому что не перезарядишь толком. А для дальнего боя коротковат, — заключили знатоки.

— Триста шагов вам мало?! — удивился Эдмонд.

— На триста не добьет!

— Могу доказать!

Принесли мишень, отсчитали шаги. Эдмонд без особого труда поразил мишень, но в центр не попал. Черкесы одобрительно зацокали языками.

Бейзруко кинулся в дом и принес длинное ружье, похожее на албанское, которым пользовались балаклавцы, но с лёгким прикладом. Он тщательно его зарядил и установил на сошки. Сам стрелять не стал. Кликнул кого-то из своих. Натухайца со шрамами на лице и в драном грязно-желтом бешмете.

Черкес долго не раздумывал. Прицелился. Грохнул выстрел. Цель была поражена в яблочко.

Бейзруко гордо выпятил грудь.

— Наши ружья лучше русских, — похвалился князь. — Они это сами признают. Можешь рабов спросить.

— По правде, винтовка англичанина не так уж плоха, — честно сказал стрелявший воин. — И в лесу с ней удобнее. Завалит ли кабана?

— Завалит! – уверил Спенсер.

— Я, Джанхот, приглашу тебя на охоту, когда будет время! – склонил голову в поклоне натухаец.

Не говоря больше ни слова, он спокойно удалился чистить ружье.

— Не многословный, – я улыбнулся.

— Его имя значит «молчун», – улыбнулся мне в ответ Бейзруко.

Мир между нами был восстановлен.

— Когда отправимся в лагерь князя? – спросил Спенсер.

— Время пришло! Собирайтесь! Наконец-то прибыл из Пшады караван с вашим порохом и ружьями. Завтра с утра, как встанет солнце, выдвигаемся. Вожди ждут вас!

Глава 6. Битва под флагом Санджак-Шериф.

Военный лагерь черкесской конфедерации был похож на обычный бивуак. Там и сям по широкой долине были разбросаны шатры вождей. Вокруг них собирались их соплеменники, занимаясь привычными в походе делами. Кто-то тренировался обращению с оружием или учил коня плавать. Кто-то чистил доспехи. Кузнецы поправляли сабли и чинили мушкеты. А многие – просто отдыхали у костров, каждый по отдельности готовя себе обед.

Единственное отличие, бросившееся в глаза, – это присутствие большого количества женщин и девушек. Они свободно перемещались по лагерю. Разве что без оружия в руках.

— Не удивлюсь, если и они возьмутся за ружья! – возбужденно воскликнул Спенсер. – Здесь живы, мне рассказывали, предания об амазонках.

Разнообразие нарядов и лиц поражало. Орлиный нос у одного, узкие ногайские глаза – у другого и классические европейские черты – у третьего. Рядом с воином, с головы до колен укрытым кольчугой, стоял молодец в простом бешмете и традиционной папахе. Сверкающие на солнце дорогие шлемы соседствовали с белым тюрбаном, с зеленой чалмой совершившего хадж или с башлыком, длинные «уши» кото-

рого ниспадали на плечи владельца.

Порядок отсутствовал. Стоило нам спуститься с гор и въехать в лагерь, как к нам помчались со всех сторон всадники. Окружили нас гомонящей толпой, разразились криками и выстрелами в воздух из мушкетов и пистолетов. Их энтузиазм объяснялся просто: они ждали наш караван с огнестрельным оружием.

Еще больший ажиотаж вызвало знамя, которое развернул Бейзруко, приняв сверток из рук Спенсера. В воздухе затрепетало зеленое полотнище с золотыми звездами и стрелами. Юный князь ускорил своего коня и помчался в сторону священной рощи, где должен был проходить военный совет. Белые ленты его башлыка развивались за спиной, как крылья.

— Санджак-Шериф! Санджак-Шериф! – закричали все всадники и понеслись вслед за темиргоевцем, потрясая шашками в воздухе.

— Это знамя вышито руками знатной черкесской княжны в Стамбуле. Мне передал его Сефер-бей, – охотно объяснил Спенсер.

Он приветствовал встречавшую нас группу вождей, стоявших у пылающего костра. Ну, как вождей? Определить их княжеский статус и роль лидера не было никакой возможности. Простые черкески, лишённые украшений и каких-либо символов власти, и скромные головные уборы. Нужный нам князь, безбородый статный мужчина с лихо подкрученными усами, носил простой овечий темный колпак, который ско-

рее увидишь на пастухе, чем на прославленном воине.

Он обнял Спенсера, как старого друга, дружелюбно кивнул мне.

— Ты выполнил свое обещание, англичанин, хотя прошло уже два года. Познакомься с нашим военным вождем. Это убых Исмаил Догомуко Берзег. Не смотри на его почтенный возраст. Рука его все еще крепка, а дух неистребим. В прошлом году он был тяжело ранен, но, как видишь, снова в строю и готов вести нас в бой.

Хаджуко Мансур с особым почтением поклонился 70-летнему крепкому старику в песочного цвета черкеске и светлом тюрбане. Исмаил ответил легким поклоном головы.

— Привез ли ты нам, чужестранец, письма из Константинополя?

— Да, глубокоуважаемые вожди! У меня с собой бумаги от Дауд-бея и Сефер-бея! – Спенсер передал Хаджуко сверток, тщательно упакованный в кожу. – Уркварт просил зачитать его воззвание к народу адыге на вашем совете.

— Дауд-бей умеет словом зажечь наши сердца, – серьезно заметил Берзег. – Но пушки были бы уместнее в нынешних обстоятельствах.

— Я привез ружья и снаряды!

— И письма! – хмыкнул Берзег. – Пойдемте в рощу, прочитаем, что нам пишут.

Под сенью старых дубов на сентябрьской пожелтевшей траве сидели полукругом вожди и старейшины. В центре

на маленьком холмике возвышались остатки древнеримского креста. На ветвях деревьев висели жертвоприношения и цветные ленты. Из некоторых древесных стволов выглядывали черные камни. Как объяснил нам Натан, адыги вращивали их в молодые дубки. Некоторые булыжники полностью скрывались внутри стволов.

Не было гвалта, как в лагере по соседству. Каждому оратору давали возможность высказаться. Лишь отдельные – вероятно, какие-то возбуждающие – фразы вызывали общий возглас и сабельный звон. Но стоило какому-либо из старейшин взмахнуть рукой, все тут же успокаивалось.

— Наверное, так проходили военные советы древних ахейцев под стенами Трои! – Возбужденно шепнул мне Спенсер. Глаза его горели – не то от удачи, привалившей этнографу во время трудной экспедиции, не то от сбывшихся планов английской разведки.

Не успел Хаджуко Мансур начать публичное чтение писем из Стамбула, как в паланкине прибыл немощный старик-татарин. Все вскочили и почтительно его приветствовали. Натан, пристроившийся за нами на коленях, пояснил, что седобородого татарского князя зовут Тао Гирей-Аслан, предки которого были прежде ханами одного из могущественных ногайских племен, владевших заболоченной Таманью.

Дребезжащим голосом, то и дело вытирая слезы, старец выступил перед собранием. Натан пытался нам переводить.

— Он спрашивает: где моя страна? Где сотни шатров, которые укрывали головы моих людей? Где их стада? Где их жены и малыши? И где сам мой народ? О, Москва! Ненавистная Москва! Ненавистные русские! Они рассыпали татар пылью на четырех ветрах неба. И таков будет ваш рок, если сложите свои мечи против захватчика!

Слушавшие стоя старца черкесы громко закричали и снова стали трясти в воздухе своими шашками. Довольный Эдмонд энергично закивал.

— Он призывает следить за рабами и чужестранцами и не позволять им ездить по стране свободно, — продолжил свой перевод Натан. — Он назвал английского короля «великим падишахом всех морей и Индий». Называет его достойным союзником, но просит помнить про независимость. Не дайте ему накинуть ярмо на шею свободного народа Аттехей.

— Это явный выпад в вашу сторону, Эдмонд, — предположил я.

— Думаешь, здесь все срежиссировано?

Я пожал плечами.

Старец закончил, его унесли. Все снова расселись, многие — не скрывая слез или ярости. Но были и те, кто выслушал речь старика спокойно и не поддался эмоциям.

Один из них встал. Все сразу замолчали. Видимо, этот человек внушал всем огромное уважение, несмотря на его странную одежду. На нем была рубашка, расписанная арабскими молитвами, и зеленая накидка без рукавов типа жи-

лета.

— Это величайший вождь черкесов, Джамбулат Болотоко. Символы на его рубашке – заговор от пули и стрелы. Называется «тачели», – пояснил Натан.

Это тот самый не знавший поражений полководец, которого Сефер-бей назвал «последним рыцарем Кавказа»?! До чего же обманчив вид адыгов! Ни за что бы не подумал так, глядя на него стоявшим в кругу распаленных речами воинов.

— Он говорит, – зачастил Натан, – что не все князья и старейшины собрались и не дело решать что-то без них. Он говорит: мы приняли к себе, по нашему обычаю, несчастных кабардинских князей, когда русские прогнали их с родной земли. И чем они нам отплатили? Он утверждает, что пытался их вернуть, предприняв поход в Кабарду, но ничего не вышло – русские не пустили. Он обвиняет кабардинцев в том, что они своими набегами за Кубань призывают на головы темиргоевцев гнев русских. Он понимает их боль и желание отомстить, но лучше бы они занимались абречеством где-нибудь в другом месте.

Впервые на совете поднялся шум, прервавший речь оратора.

— Ты стал мирным? – спросил Джамбулата Берзег.

— Я думаю о своих людях, вождь убыхов и остальных черкесов, доверивших тебе свои жизни! – гордо ответил князь. – Если на нас нападут, мы будем защищаться. Если вы решите снова пересечь Кубань, как я это сделал в 28-м году,

мои воины останутся на своих землях между реками Лабой и Белой!

— В чем же разница, мой старый вождь? — громко воскликнул Хаджуко Мансур.

— Разница — в чести! Сверкающая река стали из лучших и знатнейших черкесских родов потекла через Кубань во имя моего долга вассала перед султаном. Теперь, когда я дал присягу Белому царю, что должно произойти, чтобы я нарушил свое слово?

Словно все, действительно, было заранее срежиссировано, в рощу вбежал запыхавшийся горец и что-то громко закричал. Все вскочили и начали бурно обсуждать принесённую гонцом новость.

К нам подбежал Бейзруко и быстро заговорил. Натан еле успевал переводить.

— Получены сигналы костров. Русские перешли реку и напали на аул Берзегов в ущелье на границе земель абадзехов. Погиб сын Исмаила, старшина аула, а с ним и другие вожди, спешившие на нашу встречу. Аул разграблен. Кто из жителей не убит, разбежались. Русские гонят захваченный скот к реке. Мы выступаем. Вы с нами?

Я растерялся. Не уверен, что из меня выйдет достойный боец. И стрелять в русских?

Выручил Спенсер.

— Князь! Мы не можем уклоняться от нашей роли мирных путешественников и, в некотором роде, посланцев! Но

вы полностью можете положиться на мои навыки хаккима. Уверен, будет жаркая сеча, и нам найдется дело!

— Так тому и быть, — несколько разочаровано согласился Бейзруко и отдал необходимые распоряжения.

Несколько воинов, включая известного нам Молчуна, стали нашим эскортом.

Вся долина пришла в движение. Небольшие отряды разъезжались разными горными тропами. Большие отряды пеших бойцов с копьями и черными щитами, обшитыми буйволиной кожей, быстрым шагом взбирались на кручи, непроходимые для лошадей. За ними следовали исполинского роста бойцы в черных бурках, увешанные оружием, включая булавы на длинных ручках со стальным крюком. Они цеплялись им за расщелины и взбирались там, где другим не пройти. Их ноги в лыковых сандалиях легко находили малейшую выемку в скале. Сразу было видно, что это люди гор, привыкшие биться не в конном строю, а на своих двоих.

— Это убыхи, народ Измаила Берзегга. Будущая битва станет для них личной мстостью русским, — пояснил нам Натан, пока мы догоняли ушедшие вперед конные отряды.

— А что темиргоевцы? — спросил Эдмонд Джанхота. — Мне показалось, их князь не горел желанием воевать с русскими.

— Разве он сможет их удержать? — усмехнулся Молчун. — Путь из аула Берзегов ведет через их княжество. Не станут же они смотреть, как по ней урусы гонят угнанный скот со-

седей?

Ехали до глубоких сумерек. Когда стемнело, горцы зажгли факелы, но скорость движения резко упала. Когда миновали брод через очередную речку, решено было устроить привал.

Не знаю, как Спенсер, я валился с ног от усталости. Откалзился от скромного ужина, завернулся в предложенную бурку и отключился.

Разбудили меня пушечные выстрелы. Эхо разносило их по речной долине. От воды поднимался туман. Было сыро и промозгло, даже бурка не помогла. И не спас напиток из меда, который наскоро подогрели на скромном костре.

Спенсер уже копался в нашей поклаже. Он разыскивал свой докторский саквояж. Неужто он готов взять на себя роль полевого хирурга? И будет по живому пилить ноги и руки? Бррр...

— Нужно спешить! – поторопил нас Джанхот. – Битва началась! Наши догнали урусов.

Мы поскакали за проводником.

У черкесов не было шпор на сапогах. Они горячили коней гортанными криками. Могли приободрить легким касанием плети, на конце которой была небольшая лопаточка. Спенсеру такая манера доставляла некоторые трудности, но он справлялся. Я же безбожно отставал. Пришлось одному горцу придержать коня, давая возможность основной группе вырваться вперед. Вскоре она исчезла из виду.

Мы догнали ее на вершине большой горы, поросшей ред-

ким лесом, где разместилось что-то вроде командного пункта. Главных вождей здесь не было, но несколько старейшин-стариков горячо обсуждали происходящее в долине у подножия горы.

— Я сложу об этой битве свою песню! — заявил один из старичков и полез на старый бук, чтобы не упустить ни малейшей подробности.

Из узкого ущелья, в котором еще клубился туман, выдвигались русские колонны, разворачиваясь в стрелковую цепь за наваленными камнями перед извилистым ручьем. Вперед вырвались несколько отрядов казаков, в задачу которых входила, видимо, разведка. Откуда-то справа, не имея возможности развернуться, на них накатывались небольшие конные группы черкесов, засыпая русских стрелами. Не сближаясь на дистанцию пистолетного выстрела, горцы разворачивали своих коней и уносились прочь. Шла какая-то сложная игра по заманиванию противника к своим стрелкам. Я разглядел, что в густом лесу на склонах примыкавших к долине гор скапливались черкесы, устанавливая свои длинные ружья на треногах.

Разобраться в происходящем не было никакой возможности. Оставалось лишь ждать указаний.

Теперь загрохотало слева. Густые клубы порохового дыма скрыли от нас картину далекого боя. Кажется, он смещался к нам все ближе и ближе.

Черкесы метким огнем прижали русские стрелковые це-

пи к камням так, что не поднять головы. Между солдат бесстрашно метались офицеры, требуя открыть ответный огонь и отогнать конницу от казаков. К нам навверх стали залетать случайные пули, жужжавшие словно пчелы.

Я отошел от края обрыва и подошел к англичанину.

Спенсер времени не терял. С помощью Натана он поручил горцам соорудить крепкие козлы и накрыть их в несколько слоев прямыми жердями. На расстеленной рядом бурке он раскладывал какие-то склянки и наборы ниток с полукруглыми иглами.

— Эдмонд, ты уверен, что знаешь, что делать?

— Признаюсь честно, Коста, людей я еще не штопал. Но в деревне мне доводилось помогать зашивать раны лошадям и мулам.

— Боже, люди и мулы?

— У нас есть другой выход?

Я припомнил свою эпопею с излечением после удара марсельской бритвой. Мог предложить несколько советов. И даже из прежней жизни кое-что могло бы пригодиться.

— Нам нужна водка или спирт!

Эдмонд посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Ну, же! Вспомни, как мне на рану лил водку одесский докторишка! А еще он протирал ею свои инструменты, чтобы не занести заразу! И сразу не штопал. Оставлял до утра, чтобы вышла грязь.

— Боюсь, никто нас не поймет, если мы перенесем лече-

ние на следующий день. Тут народ горячий – привык все делать стремительно!

— Тогда не трать время на сложные случаи! Нужна сортировка. Помогай, кому реально можешь помочь, позабыв о сострадании...

Я попросил Натана объяснить Джанхоту нашу потребность. Черкес молча кивнул, свистнул своим товарищам и умчался вниз в гущу битвы.

— Куда это он? – спросил я нашего переводчика.

— Поскакал раздобыть водку у казаков! У них в седельных сумках этого добра навалом.

Я в ужасе бросился к краю обрыва, чтобы рассмотреть, чем закончится моя необдуманная просьба.

Отряд Молчуна быстро достиг казаков. Зазвучали выстрелы из ружей и пистолетов. Все снова скрылось в пороховом дыму. Когда он немного развеялся, моим глазам предстала страшная картина: груды конских тел валялась на земле. Какой-то казак отползал в сторону от мечущихся лошадей, держась за окровавленный живот. Его товарищ, потеряв свою лошадь, отбивался шашкой от черкеса, который, склоняясь то с одной, то с другой стороны своего коня, пытался достать противника.

Джанхот вскочил ногами на седло своего мерина и прыгнул на всадника с красными погонами. Сбросив его на землю. Сунув руку в седельную сумку и обнаружив искомое, он снова свистнул. Группа черкесов мигом поворотила коней и

помчалась в нашем направлении. Несколько тел лежали поперек седел, удерживаемые рукой наездника. Конь Джанхота поскакал следом, припадая на заднюю ногу. В его крупе торчала случайная стрела.

— Черкесы не оставляют ни раненых, ни трупы на поле боя. Сделать по-иному – это позор, – снова прокомментировал Натан стремительное отступление группы Молчуна.

Из ущелья повалила огромная отара овец и прочего рогатого скота. Солдаты строились в колонны по бокам. Казаки оттянулись к основному отряду. Артиллеристы разворачивали легкие пушки в расчете перекрыть узкое дефиле с правого фланга. Оттуда непрерывно стреляли черкесы, но больше доставалось беззащитным баранам. Их жалобное блеяние перекрыло грохот ружейных выстрелов.

Одновременно с возвращением отряда Молчуна в импровизированный лазарет потек ручеек раненых. Сам натухаец был основательно забрызган кровью. Она же стекала из рассеченной брови по его щеке по старому шраму. Он протянул мне кожаный бурдюк. Я догадался, что там не вода.

— Коста! Натан! Нам нужно много воды! – закричал Спенсер, будто подслушав мои мысли.

Он перебегал от одного раненного к другому. Их притаскивали на пропитанных кровью бурках или на плечах. Один уже лежал на козлах и громко стонал. Черкеска на плече была разрублена. Из открытой раны выглядывала кость.

Я открыл бурдюк и приложился. Мерзкое вонючее пойло,

отдающее зерном! Но в медицинских целях сгодится. Плеснул пострадавшему на рану. Он закричал, закатывая глаза.

Несколько добровольных помощников, не дожидаясь осмотра Спенсера, принялись бинтовать товарищей разодранными рубашками, стаскивая с них разрубленные кольца, или затыкать дырки от пуль комками ошпаренной смолы. Пациенты стоически терпели, стараясь изо всех сил не издать ни звука. Лишь выкатывали глаза от внутреннего напряжения. Некоторые курили трубки.

Откуда-то привезли бурдюки с водой. Поток раненых все увеличивался. Стоны и крики раздавались непрерывно, несмотря на хваленую черкесскую выдержку. Особо страдавших окружали их товарищи, пытаясь разговорами отвлечь от боли.

Спенсер какими-то хитрыми щипцами извлекал пули. Ему запретили их выбрасывать. Он только отмахивался, то и дело подзывая меня, чтобы промыть водкой пулевое отверстие или подержать раненого, чтобы влить ему в рот лауданум из бутылочки.

Я потерял счет времени и не имел никакой возможности следить за ходом битвы. Моя белая черкеска превратилась в нечто серо-буро-малиновое в красную крапинку. Внизу под горой продолжало грохотать. Пушки повели беглый картечный огонь. Поток раненых резко увеличился, причем большинство зря к нам доставляли. Им уже ничем помочь было невозможно.

Мне стало дурно.

Я вспомнил, как в первый раз в школе на уроке НВП нас отправили на стрельбище. Как мы радовались в автобусе, предвкушая, что сейчас постреляем из настоящих автоматов! Как горели у нас глаза! Нас привезли, выгрузили. Я, к зависти многих, был выбран в первую десятку. Нас уложили в ряд напротив мишеней. Выдали каждому по Калашникову. Я начал целиться. Но мой восторг был так велик, что вызвал нервную дрожь. Поэтому приходилось себя успокаивать, чтобы руки, наконец, перестали трястись. Друзья по десятке справились с волнением быстрее меня. И все выстрелили раньше меня. И за одно мгновение весь мой восторг, предвкушение небывалого наслаждения были растоптаны сначала невероятным грохотом от выстрелов, затем резко ударившим в нос запахом пороха. Тут же вслед за этим к горлу подступила тошнота. Я еле отстрелялся, думая о том, как меня нещадно обманули! Нет никакой радости и романтики в автомате в руках. Ни один фильм, который нас мальчишек приручил к этой романтике, не передаст настоящего звука выстрела, настоящего грохота непрерывных выстрелов. Уж тем более кино не передаст вам запаха боя.

Запах бездымного пороха от АК и скромная автоматная очередь не шли ни в какое сравнение с залпами картечью и удушливой вонью, которая распространилась по всей долине и окружающим ее горам. Весь мой опыт попаданства с точки зрения пороха – это выстрелы в Стамбуле и в минах Одес-

сы, в приветствиях балаклавцев. И такой опыт сейчас выглядел насмешкой. Насмешкой теперь казались и мои мысли о том, что я последние полгода не раз и не два был на грани между жизнью и смертью. Я даже не представлял себе, что в действительности является такой гранью. Вот сейчас она мне демонстрировалась во всей своей ужасающей правде.

Я растерялся, понимая, что сравнительная идиллия моих первых месяцев в этой жизни закончилась. Что вот с этого момента пойдет другой счет и будут другие ставки. С этого момента моя борьба за жизнь будет все время сопровождаться бесконечными выстрелами и грохотом, и все чаще и чаще мне придется вдыхать вонючий запах пороха. Бесконечные раны, обрубки и куски тела, лужи крови станут самой привычной картиной для моих глаз. И, если ты, Коста-Спиритон, мать твою, хочешь выжить, так научись, сука, держаться на коне лучше самого искусного черкеса, полюби запах пороха, перестань вздрагивать от каждого выстрела, вплоть до того, что стреляй себе над ухом, как стреляют черкесы над головами своих лошадей. Преврати все это в обыденность! В будни! К тому, что теперь, с этой минуты, станет главной составляющей твоей жизни!

Обыденность, будни? Перебитые, полуоторванные руки и ноги, разmozженные черепа, обезображенные лица... Куча мертвецов в ближайшей лощине, растущая с удручающей скоростью...

Эта картина довела меня практически до нервного исто-

щения. Я двигался как автомат, стараясь не обращать внимания ни на что. Была бы возможность, закрыл бы глаза. Или выпил бы хлебного вина. Но бурдюк давно был пуст.

— Генерал Засс обманул черкесов, – закричал мне Эдмонд, вытирая рукой пот со лба. – Он отвлек их ложной атакой, выманил с гор и из леса слева и теперь под прикрытием пушек гонит туда отару. Сильный арьергард прикроет движение колонн... Мне нужно вымыть руки.

Неужели он что-то понимает в происходящем внизу? Я мог видеть только боевое безумие черкесов. Многие из них, дождавшись перевязки, снова вооружались. Зажав кинжалы в зубах, они скатывались вниз по склону, чтобы добраться до ненавистных урусов.

— Я, конечно, не адвокат войны, но согласись: в этом есть какая-то поэтика упоения битвой! – весело произнес Спенсер, пока я поливал ему на руки из бурдюка. – Какие воины! Каков дух! Решительность! Мне сложно поверить, что им не хватит сил разгромить противника!

— Мне кажется, Эдмонд, им не хватает простой организации. Что за толпа варваров из Тевтобургского леса!

— О-ля-ля! Коста знаком с историей Древнего Рима! Но твой пример неудачен. Именно в том лесу древние германцы в шкурах разгромили хваленые римские центурии! «Вар, Вар, верни мне мои легионы!» Еще немного – и мы услышим: «Засс, Засс, верни мне мои полки!»

Он захохотал, как безумный, но мигом смолк. На гору, в

наш лагерь, где земля уже стала скользкой от крови, несколько знакомых нам воинов из отряда Бейзруко втащили бурку с телом раненого. Им оказался сам молодой князь.

Глава 7. Последний рыцарь Кавказа.

— Кладите его на козлы! — распорядился немедленно Спенсер. — Коста, нам нужно что-то чистое на бинты. Быстро доставай бумажные ткани из тех, что на подарки.

Я бросился к нашим тюкам, быстро нашел рулон и принялся его разрывать на полосы. Поискал в толпе Молчуна.

— Водка!

Он кивнул и побежал вниз. Трупов казацких лошадей там хватало.

Бледный князь лежал, сцепив зубы. Его грудь пересекала широкая кровавая полоса. Когда мы оттерли кровь и убрали куски ткани от черкески и нательной рубашки, нам открылась глубокая борозда поперек груди.

— Картечь! — сделал вывод Спенсер. — Он боком стоял, вот пуля его и вспорола. Думаю, нужно срезать обожжённые ткани и наложить легкую повязку. Как он доберется до дома?

— Эдмонд! Промой водкой свой скальпель! Прощу тебя!

— У меня есть кое-что получше. Аква вит!

Он отошел к своему саквоюжу и вытащил прибереженную склянку.

— Стоит ли спиртом промывать рану? — в сомнениях проговорил. — Нет, рисковать не будем. Я не уверен в действен-

ности твоих способов.

— Сейчас Джанхот раздобудет водки. Протрем ей края раны, но внутрь не полезем. У тебя есть, чем обработать саму рану?

— Кое-что найдется...

К нам подошел старый черкес-хаджи, которой «лечил» больных. На его пальце красовалась печатка со словами из Корана. Он макал ее в чернила и прикладывал к бумажке. Затем бросал бумажку с молитвой в чашку с водой и заставлял раненых ее выпить в несколько глотков. Ему все с почтением повиновались и оказывали знаки уважения и полного доверия.

— Такое лечение поможет разве что прочистить князю кишки, – хмыкнул Спенсер.

Черкес что-то «пролаял». Натан объяснил:

— Предлагает прижечь рану железом!

— Что ж, способ известный. Арабы его практикуют. Но мы придумаем кое-что получше, – англичанин протер спиртом свой ланцет и кивнул черкесам. – Держите его, чтобы не дернулся.

Он стал аккуратно срезать кусочки спекшейся кожи вдоль края раны. Я протираю их тряпкой, смоченной в доставленной снизу водке. Иногда она стекала в рану, но Бейзруко не издал ни звука, пока шла операция.

Спенсер посыпал рану каким-то порошком, прикрыл ее корпией и бинтами из материи.

— Оставим его так до утра, как ты советовал. А утром зашьём, если не будет нагноения.

Я перевел дух и отошел.

Кругом суетились черкесы. Группами по четыре человека они забирали мертвых и удалялись, уложив их на импровизированные носилки. Двое тащили, двое шли позади как подменная команда.

— Куда они? – спросил я Натана.

— Относят в аул родственникам. Так велит обычай.

— Но бой еще не окончен...

— Так велит обычай, – повторил Натан, пожав плечами.

«Интересно, – подумал я. – Если завтра сражение продолжится, кто будет воевать?»

Лекарей прибавилось. «Духовное» лечение дополнилось вполне традиционной медициной. Было видно, что эти ребята знали толк в полевой хирургии. Смело складывали раздробленные кости. Прочищали раны от осколков гибким прутиком, который обматывали сырцовым шелком. Вместо зонда использовали фитиль, вырезанный из бараньего курдюка. Орудую грубыми инструментами, они проводили ампутации. В нынешних обстоятельствах даже такая помощь была кстати. Но крик стоял ужасный: они не отрезали целые суставы, но пилили кости. В основном, ноги.

— Ты заметил, Коста, сколько ран нижних конечностей, – Спенсер снова не удержался от комментариев. – Причем, не только от пуль, но и от скальных осколков. Русские артилле-

ристы берут нижнее упреждение и добиваются рикошетов. Страшная практика! Но русские всегда славились своей артиллерией. Уж французы-то знают!

Эта его привычка все и вся объяснять откровенно бесила. И я подозревал, что его слова предназначались не мне. Потом он занесет их в свой блокнот, чтобы использовать в своей будущей книге.

Я отошел к обрыву и снова посмотрел на поле боя.

Русские уже удалились, гоня впереди скот, которым, как тараном, смели черкесскую кавалерию. Долина и ручей были завалены телами животных. Не битва, а скотобойня! Стоило стольким погибнуть, защищая баранов?!

Нет, я понимаю мотивы и чувства черкесов. Для них дело не в овцах. Они защищают свою землю, свой уклад, свою честь, наконец. Но Засс! Что здесь забыл этот головоруб? К чему этот набег? Наверное, у него есть какие-то стратегические замыслы... Тактические соображения... Или это «ответка» за какую-то вылазку абреков? Или попытка сорвать съезд вождей? Возможно, когда-нибудь узнаю и даже смогу рассказать, как было прервано выступление Джамбулата Болотоко, который, по сути, призывал к миру...

И ежу понятно, черкесы этого так не оставят. В ответ на набег русских они исполняют свою «ответку». И так без конца...

Быстро темнело. Страшный день подходил к концу. Загорались костры на вершинах окружающих гор. Черкесы гото-

вились к поминальному обряду.

Среди деревьев зазвучала исполняемая хором поминальная песня. Низкие голоса тянули заунывный мотив. В него вплетался одинокий визгливый пронзительный голос. «Певец» речитативом старался перекричать общий хор, пытаясь одновременно подстроиться под общую мелодию.

— Перечисляет заслуги погибшего, — пояснил Натан.

Десятки таких хоров терзали наш слух всю ночь. Заснуть под этот «концерт» а капелла было невозможно. И этот погребальный мотив... По ком он звучал? Быть может, и по живым? Они не ведали, а я знал точно, чем все закончится. Куда исчезнут эти красивые мужественные люди... Их дети, внуки... Сгинут на чужих берегах от голода и заразных болезней, рассеются по всему свету, вплоть до Иордании. Предпочтут смерть и безвестность, лишь бы не уступить диктату победившего врага. Какая трагическая судьба...

Проворочался в своей красной накидке из Стамбула до утра. Со страхом думал, что мне предстоит еще один день работы санинструктором.

С утра пошел проведать юного князя. Бейзруко выглядел молодцом. Явно посвежел и стоически перетерпел перевязку. Спенсер осмотрел старую. Что-то ему не понравилось.

— Зашивать не буду, — решил он и пошел осматривать других пациентов.

Ближе к полудню на гору поднялась большая группа всадников под предводительством дяди молодого князя. Джам-

булат осмотрел племянника и поблагодарил нас за оперативное вмешательство.

— Если бы он погиб от сабли или штыка, это был бы позор для рода, – огорошил нас вождь. – Эти пушки русских – шайтан-трубы! Ничего им не можем противопоставить! Хорошая рана!

— Какой позор в смерти от штыка? – искренне изумился я.

Натан перевел мой вопрос и ответ.

— Это значило бы, что Бейзруко – плохой воин! Плохо его учил! Приглашаю вас в мою резиденцию.

Большой кавалькадой мы отправились в аул темиргоевского князя. Он считался не только славным воином, но и богатейшим человеком. Его земли, которые мы проезжали, казались цветущим садом. Виноградные лозы, мельницы у маленьких речушек, множество отар, которые перегоняются из долины в долину из опасения нападения казаков. Отдавшиеся под защиту князя армянские села, где концентрировалась торговля во всей Черкесии...

Аул был также хорош. А еще более – дом Болотоко. В него свозились подарки от других князей, султана и даже от русских. А также добыча из походов. Шкафы были заставлены дорогой серебряной посудой и золочеными чашами для вина или кумыса. На стенах висели доспехи, украшенные драгоценными камнями, и редкое оружие. Домочадцы щеголяли в роскошных одеяниях. На полах лежали красивые ковры,

парчовые подушки и сложенные в стопки бархатные одеяла.

Так и хотелось сказать: богат и славен Джамбулат! Рачительный хозяин и великий воин!

На пиру, устроенному в нашу честь, князь, не бахвалясь, рассказывал о своих походах против русских. О том, как его боялись за Кубанью и какое счастье, видимо, испытывают теперь царские генералы, когда он вложил в ножны свой меч.

— В чем секрет вашего военного гения? — польстил Спенсер князю вопросом. — Как вы смогли силами феодальной иррегулярной кавалерии успешно противостоять современной армии с пушками.

— Секрет прост. Дисциплина!

Не в бровь, а в глаз. То, что я видел, никак не назовешь армией. Скорее, разрозненные партизанские отряды, напавшие и тут же разбежавшиеся. Весьма эффективная тактика в горах, но окончательной победы так не добиться. Можно годами изнурять противника, пока не исчерпается людской ресурс. Лишь через сплочение всех племен лежал путь к успеху — невыполнимая, насколько я понимаю, задача. Или выполнимая только таким человеком, как Джамбулат. Единственным в своем роде.

— Не дают мне покоя соседи, — жаловался он, качая своей бритой наголо головой, которую украшал оселедец. — Требуют, чтобы изменил своему слову и снова их возглавил. Угрожать вздумали! Еу! Я им ответил: напрасно думаете вы, что нашли во мне человека робкого и готового повиноваться

всякому. Если надеетесь принудить меня к сему, то попробуйте на меня напасть.

Князь общался со своими сподвижниками с особой фамильярностью, которая обычно существует между боевыми товарищами. Между ними не было никакого различия, кроме его украшенного дорогими камнями кинжала и значительного физического превосходства, несмотря на невысокий рост. Он не стал перечить, когда они, устав от разговоров, потребовали песню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.